

[HTTPS://LIB.RIN.RU/BOOK/NAUKA-O-PEREVODE-ISTORIJA-I-TEORIJA-S-DREVNEJSHIH-VREMEN-DO-NASHIH-DNEJ_L-L-NELJUBIN/TEXT/](https://lib.rin.ru/book/nauka-o-perevode-istorija-i-teorija-s-drevnejshih-vremen-do-nashih-dnej_l-l-neljubin/text/)

ЛЕВ ЛЬВОВИЧ НЕЛЮБИН, ГЕОРГИЙ ТЕЙМУРАЗОВИЧ ХУХУНИ

**НАУКА О ПЕРЕВОДЕ. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО НАШИХ ДНЕЙ**

ОТ АВТОРОВ

Основу предлагаемой книги составляют курс лекций по истории перевода, читаемый академиком РАЕН и Международной академии информатизации, профессором Л.Л. Нелюбиным на переводческом факультете Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета, а также материалы семинарских занятий профессора Г.Т. Хухуни по указанному курсу.

Несмотря на появление в последние десятилетия ряда работ, посвященных историко-переводческой проблематике, задача создания учебного пособия, в котором сжато и доступно для будущих специалистов излагались бы основные этапы развития перевода и переводческой мысли, до сих пор не может считаться решенной. Кроме того, необходимо учитывать, что многие труды по данной тематике опубликованы небольшим тиражом в различных научных центрах бывшего СССР и по ряду причин труднодоступны для большинства студентов.

В соответствии с профилем факультета и требованиями программы основное внимание в книге уделяется западноевропейской и русской переводческим традициям. Вместе с тем в ряде случаев (особенно при рассмотрении ранних этапов развития перевода и переводческой мысли) авторы обращались и к наследию других культур, в частности к теории и практике перевода в странах Востока.

Поскольку предлагаемое пособие предназначено в первую очередь для читателей-студентов, авторы сочли возможным не перегружать представленный материал справочным аппаратом (цитаты, ссылки на использованную литературу и т. п.), что, разумеется, ни в коей мере нельзя рассматривать как недооценку ими того вклада, который внесли в разработку данной проблематики их предшественники в России, а также в странах ближнего и дальнего зарубежья.

Все критические замечания, способствующие улучшению настоящей книги, будут с благодарностью приняты.

Авторы выражают свою признательность доктору филологических наук, академику МАИ, проф. Ю.Н. Марчуку и доктору филологических наук, проф. Р.Р. Чайковскому, взявшим на себя труд по рецензированию рукописи и высказавшим ряд ценных и полезных замечаний, начальнику Технического центра ИЛиМК, лауреату Государственной премии СССР в области науки и

техники, кандидату технических наук, доценту А.Н. Клюкину за содействие по набору этой книги и лаборанту М.Н. Игнатенко за компьютерный набор рукописи.

ВВЕДЕНИЕ

История перевода и ее отношение к другим разделам переводоведения

Переводоведением называется наука о переводе как процессе и как тексте, исследующая проблемы перевода, основные этапы его становления и развития, его теоретические основы – общие и частные, методику и технику процесса перевода, формирование переводческих навыков и умений передачи информации с одного языка на другой в устной и письменной форме. Таким образом, основная специфика переводоведения заключается в изучении речевой деятельности в двуязычной ситуации, когда процесс общения (устного и письменного) осуществляется средствами двух языков.

В соответствии с указанной выше проблематикой науки о переводе в ней выделяют следующие основные разделы:

1. *Историю перевода*, которая исследует место, роль и эволюцию перевода в связи с развитием человеческого общества, его материальной и духовной культуры, политических и экономических связей, а также изучает процесс становления и развития переводческой мысли и национальных переводческих традиций на основе анализа соответствующих источников.
2. *Общую теорию перевода*, занимающуюся такими проблемами, которые являются общими для всех видов перевода, независимо от конкретных разновидностей последнего и особенностей языкового материала. Поэтому иногда говорят, что предметом общей теории перевода являются *переводческие универсалии* (лат. *universalis* – всеобщий). Этот термин взят из лингвистики, где универсалиями называют свойства, присущие всем языкам.
3. *Частные теории перевода*, предметом которых являются различные формы и виды перевода (как устного, так и письменного), жанровые особенности переводимого материала (художественные и специальные тексты), особенности перевода на разные языки и перевода с использованием компьютера (машинный перевод и перевод с помощью машины).
4. *Методику перевода*, задачей которой является выработка соответствующих умений и навыков, т. е. обучение *технике* переводческого дела на основе знаний, полученных общей и частными теориями перевода.
5. Отдельную область составляет *критика перевода*, занимающаяся анализом переводного текста и установлением степени его адекватности исходному тексту с лингвистической, литературно-эстетической и других точек зрения. Указанная сфера переводоведения тесно связана с теорией художественного перевода, поскольку занимается она преимущественно переводными произведениями, относящимися к художественной литературе в широком смысле слова.

Перечисленные разделы, обладая относительной самостоятельностью, тесно связаны между собой. И особое место среди них принадлежит именно истории перевода, которая, изучая и обобщая многовековой опыт, накопленный человечеством в области перевода и переводческой мысли, создает прочную основу для их дальнейшего развития.

Виды, формы и типы перевода

Понятие **видов** перевода связано прежде всего с жанровыми особенностями материала, являющегося объектом межъязыковой передачи. Выделяют два основных вида перевода: перевод **художественный** и перевод **специальный**.

Если художественный перевод, функционируя в сфере художественной литературы, опирается на литературоведчески ориентированную теорию, то специальный перевод решает прежде всего **информационно-коммуникативные** задачи, обслуживая различные предметные отрасли знаний, имеющие специфическую терминологическую номенклатуру (общественно-политические отношения, различные области науки и техники, административно-хозяйственное управление,

дипломатия, военное дело, юриспруденция, финансы, коммерция, публицистика и т. д.), а также разнообразную тематику повседневного речезыкового общения. Его теоретической базой служит **лингвистическая теория перевода**.

Формы перевода определяются способом, которым последний осуществляется. С этой точки зрения различают **письменный** и **устный** переводы, а также их разновидности (перевод **двусторонний**, **последовательный** и **синхронный**).

Письменный перевод – наиболее распространенная профессиональная форма перевода, когда объем памяти неограничен. Это процесс перевода с одного языка на другой, результат которого фиксируется в письменном виде. Его называют также письменно-письменным, когда оба языка употребляются в письменной форме. Это, по сути, также зрительно-письменный перевод, т. е. письменный перевод текста, который воспринимается зрительно. Письменный перевод на слух – это письменный перевод текста, воспринятого на слух. Это то же, что и устно-письменный перевод.

Устный перевод объединяет все формы перевода, предполагающие устное оформление. Его разновидности: **зрительно-устный перевод**, или **перевод с листа**, т. е. устный перевод, осуществляемый одновременно со зрительным восприятием исходного письменного текста.

Устный перевод на слух включает *последовательный* и *синхронный переводы*.

Последовательный перевод — устный перевод сообщения с одного языка на другой после его прослушивания, осуществляемый в конце всего сообщения. Он включает: **последовательный перевод с записью**, когда перевод во время восприятия фиксируется переводчиком с использованием системы записей в последовательном переводе; **абзацно-фразовый перевод** – упрощенная форма последовательного перевода, когда текст переводится после прослушивания его не целиком, а по частям.

Синхронный перевод – суть устный перевод сообщения с одного языка на другой, осуществляемый переводчиком одновременно параллельно переводимому тексту. Различают:

1) *синхронный перевод на слух* – это собственно синхронный перевод, когда переводчик воспринимает исходный текст только на слух и переводит его по мере развертывания;

2) *синхронный перевод с листа* – перевод осуществляется с опорой на полученный за 5—15 минут до начала работы письменный текст выступления, переводчик соотносится с речью оратора, ее развертыванием и вносит необходимые коррективы, если оратор отступает от первоначального текста;

3) *синхронный перевод с опорой на текст* – это синхронное чтение заранее переведенного подготовленного текста, который переводчик зачитывает, соотносясь с развертыванием речи оратора и внося необходимые коррективы, если оратор отступает от первоначального текста.

Различают *односторонний* и *двусторонний* переводы. *Односторонний перевод* – это перевод, который осуществляется только в одном направлении, т. е. с одного (исходного) языка на другой язык перевода.

Двусторонний перевод – это последовательный перевод беседы, осуществляемый одним переводчиком с одного (первого) языка на другой (второй) язык и с другого (второго) языка на первый язык, т. е. с иностранного языка на русский язык, а затем с русского языка на иностранный язык в ходе развертывания высказывания, беседы.

Принадлежность перевода к тому или иному **типу** устанавливается на основе соотношения содержания и формы последнего с содержанием и формой оригинала. Основываясь на указанном моменте, можно говорить о переводах вольном, дословном, буквальном, пословном и адекватном, или эквивалентном.

Вольным называют перевод-предложение, при котором общее содержание оригинала передается на другом языке независимо от другой формы оригинала. По существу он представляет перевод **субъективный**. Исторически данный тип межязыковой коммуникации употреблялся как при бытовом и деловом общении, так и при переводе произведений художественной литературы.

При **дословном** переводе наблюдается следование языковой форме оригинала, т. е. семантико-структурные характеристики языка подлинника воспроизводятся на языке перевода. Названный тип широко применялся в истории перевода при передаче текстов, принадлежащих различным

жанрам, но наиболее заметен он в переводах сакральной литературы (например, многих версий Библии). Вместе с тем считать его исключительно достоянием прошлого неверно, поскольку с элементами дословности, порой весьма значительными, приходится сталкиваться и поныне. При этом нередко наблюдались случаи, когда синтаксические конструкции и обороты исходного языка (ИЯ), проникая в переводящий язык (ПЯ) и смешиваясь с единицами последнего, постепенно осваиваются им и таким образом в значительной мере утрачивают свою «чужеродность».

Будучи по своим принципам и методам противоположным вольному («субъективному») переводу, дословный перевод именуется также **объективным**.

Буквальный перевод, стремящийся к сохранению формальных и семантических компонентов оригинала при передаче его на другой язык, в определенном отношении близок к предыдущему и может употребляться в сочетании с ним.

Отличительным признаком **пословного** перевода признается такая полексемная передача смысла и содержания оригинала, при которой учитываются синтаксические и стилистические соотношения между ИЯ и ПЯ. Этот тип перевода широко использовался и используется (в последовательной и синхронной формах) в таких сферах межъязыковой коммуникации, как различного рода международные совещания и конференции, судопроизводство и т. д. Причем здесь он может носить и **двусторонний** характер, когда и исходное речевое произведение, и его передача на ПЯ осуществляются в устной форме и выполняются как перевод с листа (текст, существующий на ИЯ в письменном виде, воспроизводится на ПЯ устным путем). Возможны и комбинации названных типов. Следует заметить, что эта форма межъязыкового общения известна с глубокой древности и отмечена в ряде источников. Так, в «Книге Неемии», входящей в состав Ветхого Завета, сообщается об эпизоде, имевшем место после возвращения из вавилонского плена (V в. до н. э.) израильтян, в большинстве своем уже забывших древнееврейский язык, на котором было написано Священное Писание, и пользовавшихся арамейским. Когда священнослужитель и книжник Ездра, бывший духовным наставником своих соплеменников, в сопровождении других священников взойшел на восстановленную городскую стену Иерусалима, перед которой собрался весь народ, и раскрыл книгу закона Моисеева, текст последней оглашался в подлиннике, в то время как стоявшие рядом священники переводили его на арамейский.

Примерно в то же время в синагогах была принята практика, когда текст Священного Писания тихо читался на древнееврейском, а громко переводился на арамейский, т. е., по существу, выполнялся синхронный (симультанный) перевод.

С использованием пословного типа в его письменной форме приходится сталкиваться и при переводе научно-технических текстов, причем здесь нередки случаи, когда отсутствие в ПЯ тех или иных терминов и понятий вынуждает переводчика к их созданию.

Понятие **адекватного (эквивалентного)** перевода применяется к межъязыковой передаче произведений художественной литературы и определяется обычно как сохранение единства формы и содержания подлинника при воссоздании их средствами ПЯ. В схожем значении в отечественной переводческой литературе использовались также термины «полноценный перевод» (А.В. Федоров) и «реалистический перевод» (И.А. Кашкин). Именно такой тип перевода признается наиболее правильным современными теоретиками художественного перевода, считающими, что «плохой переводчик тянет к себе, хороший стремится к автору».

Сущность и виды перевода

Термин «перевод» может применяться для обозначения как самого процесса перевода, так и его результата – устного высказывания или письменного текста. При переводе, таким образом, происходит передача информации, первоначально выраженной на одном языке, средствами другого языка, или, как принято говорить, *межъязыковая трансформация* устного или письменного речевого произведения.

Приведенное определение отражает наиболее распространенное понимание сущности перевода (его иногда называют «собственно переводом»). Очевидно, что самой важной отличительной

чертой является здесь наличие двуязычной ситуации, когда коммуникативный процесс в его устной и письменной форме протекает (осуществляется) при посредстве двух разных языковых систем (кодов). Именно развитие перевода в указанном значении на протяжении всех эпох его существования является объектом истории перевода как науки, причем основными источниками ее служат данные письменного перевода, т. е. имеющиеся в распоряжении исследователей переводные тексты и теоретические высказывания о принципах, которым надлежало следовать при их создании.

Однако межъязыковая трансформация при всей своей важности не покрывает всего содержания понятия «перевод». При осуществлении процесса коммуникации в различных ситуациях и сферах часто возникает необходимость уточнить и пояснить смысл сказанного, меняя используемые для выражения той или иной мысли словесные знаки. Сюда же относятся случаи перекодирования текста из одного функционального стиля в другой, изложение, адаптирование и т. д.^[3] Перечисленные явления объединяются под общим наименованием *внутриязыкового перевода*, или *переименования*, т. е. интерпретации вербальных знаков другими знаками того же языка (использование синонимов, парафраз и иных подобных средств).

С другой стороны, поскольку язык представляет собой определенную систему знаков, используемых для хранения и передачи информации, перевод можно определить как процесс речевой коммуникации, протекающий в двух разных знаковых системах. Так как естественный язык (представленный множеством реально существующих или существовавших языков) является хотя и важнейшей, но не единственной подобной системой, с точки зрения *семиотики* (науки, изучающей закономерности строения и функционирования знаковых систем) можно ставить вопрос о переводе (интерпретации) вербальных знаков посредством других (искусственных) знаковых систем. Подобную операцию называют *интерсемиотическим переводом*, или *трансмутацией*.

Как внутриязыковой, так и интерсемиотический переводы, представляя собой особые явления, в ряде моментов соприкасаются с межъязыковым переводом и позволяют лучше понять присущие последнему закономерности.

Проблема периодизации развития перевода

Как уже отмечалось, история художественного перевода (а именно она является основным предметом нашего рассмотрения) тесно связана с развитием художественной литературы вообще. Поэтому чаще всего здесь пользуются так называемой *историко-литературной периодизацией*, отражающей его основные этапы, а также соотносят эволюцию теории и практики перевода с пройденными человечеством общественно-экономическими формациями (рабовладение – феодализм – капиталистические отношения). При этом, однако, приходится учитывать определенную специфику объекта нашей науки и отсутствие полного параллелизма между развитием переводной и оригинальной литературы (например, не все литературные направления внесли вклад в интересующую нас область).

Исходя из сказанного мы будем различать следующие разделы истории перевода:

- 1) перевод в странах Древнего Востока;
- 2) переводы и переводческие концепции античной эпохи;
- 3) мировые религии и их роль в развитии перевода;
- 4) средневековый перевод и его особенности;
- 5) теория и практика перевода в эпоху Возрождения;
- 6) Реформация и проблемы перевода;
- 7) европейский перевод XVII–XVIII вв. (эпоха классицизма);
- 8) романтический перевод и его отличительные черты (конец XVIII – начало XIX в.);

- 9) развитие перевода и переводческой мысли в XIX столетии;
- 10) перевод и переводоведение XX в.

При рассмотрении истории перевода в России указанная схема потребует определенной модификации, вызванной специфическими особенностями ее культурно-исторического развития.

Представляется целесообразным выделять здесь следующие периоды:

- 1) переводы Киевской Руси;
- 2) переводческая деятельность в Московской Руси;
- 3) XVIII век в истории русского перевода (петровская эпоха и классицизм);
- 4) перевод и переводческая мысль XIX столетия;
- 5) теория и практика перевода в России и Советском Союзе в XX в.

Таким образом, основу рассмотрения пути, пройденного переводом за его насчитывающую несколько тысячелетий историю, составляет *хронологический принцип*. Дополняет его принцип, который можно условно назвать *географическим*, т. е. в пределах каждого периода рассказывается об отдельных национальных переводческих традициях, имевших в ту или иную эпоху наиболее важное значение. Однако в некоторых случаях представлялось более целесообразным руководствоваться *тематическим* подходом (например, при рассмотрении той роли, которую сыграли в развитии перевода мировые религии, или при анализе явлений, выходящих, подобно некоторым аспектам средневековой культуры, за четко очерченные рамки национальных границ).

ЧАСТЬ I

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ЗАРУБЕЖНОГО ПЕРЕВОДА

Translation is almost as old as original authorship and has a history as honorable and as complex as any other form of literature. *Th. Savory*

Перевод столь же древен, как и оригинальное творчество, и обладает историей столь же почтенной и сложной, как и любая другая область литературы. *Т. Сейвори*

Глава 1

Перевод в странах Древнего Востока

1. Предыстория перевода

Можно предполагать, что зарождение перевода как особой формы человеческой деятельности относится к глубокой древности, когда начались первые контакты между разноразличными племенами. Естественно, что осуществлялся он исключительно в устной форме и носил спорадический характер. Какими-либо источниками, позволяющими судить об этой самой ранней фазе развития перевода, мы не располагаем, поскольку письменности в первобытную эпоху не существовало.

Возникновение ранних государств Древнего Востока, установление между ними различных взаимоотношений (политических, торговых, военных, культурных и др.) постепенно приводит к усилению переводческой деятельности и возрастанию ее значения. С этого времени можно говорить о появлении переводчиков-профессионалов, для которых перевод становится основным занятием. Так, в частности, обстояло дело в Древнем Египте и странах Двуречья, которые принято считать колыбелью человеческой цивилизации.

2. Древний Египет

Зарождение древнеегипетской государственности относится примерно к 3000 г. до н. э. Традиционно в ней принято выделять эпохи Раннего царства, называемого также тинисским периодом, когда столицей страны был город Тин (2950–2640 гг. до н. э.), Древнего царства (2640–2160 гг. до н. э.), Первого переходного периода (2160–2134 гг. до н. э.), Среднего царства (2134–1785 гг. до н. э.), Второго переходного периода (1785–1551 гг. до н. э.), Нового царства (1552–1070 гг. до н. э.), Позднюю эпоху (1070–343 гг. до н. э.). С 343 по 332 гг. до н. э. Египет находился под властью персов, затем был завоеван Александром Македонским и в нем воцаряется династия Птолемеев, основоположником которой был один из сподвижников Александра Македонского, а в 30 г. до н. э. становится добычей римлян.

За свою многовековую историю египтяне неоднократно вступали в контакты с другими народами, что, естественно, предполагало наличие переводчиков. Упоминание о «начальниках» и «руководителях» последних, встречающиеся в текстах, относящихся уже ко временам Древнего и Среднего царства, заставляют исследователей предполагать, что к этому времени в стране существовали не только отдельные переводчики, но и организованные по профессиональному признаку группы переводчиков, которые, вероятно, состояли при царской канцелярии или при храмах. Об этом свидетельствует и встречающееся в текстах, написанных уже в эпоху Древнего и Среднего царства, слово, традиционно интерпретируемое как «с» – «переводчик» и используемое в сочетаниях, расшифровываемых исследователями как «начальник переводчиков» и «руководитель переводчиков».

Важную роль для развития переводческого дела сыграли взаимоотношения Египта со странами и народами Двуречья: ассирийцами, хеттами, вавилонянами и т. д., которые, главным образом, имели место в эпоху Нового царства. Появляются специальные школы писцов, где среди других предметов учеников обучали и иностранным языкам. Поскольку во II тысячелетии до н. э. международным языком Передней Азии был аккадский – язык древнего населения Месопотамии и Ассирии, дипломатическая переписка египетских фараонов с правителями сопредельных государств осуществлялась именно на нем. Сохранился относящийся к XIV в. до н. э. архив, содержащий около 400 писем, написанных клинописью и адресованных владыкам Египта. Он был обнаружен при раскопках близ египетского селения Амарна (откуда название Тель-эль-Амарнский архив). В свою очередь, около турецкого села Богазкей археологи нашли архив хеттских царей, где имеются написанные клинописью по-аккадски письма египетских фараонов.

Понятно, что подобная дипломатическая активность требовала наличия достаточного количества квалифицированных переводческих кадров, способных вести переписку с чужеземными правителями. Как свидетельствуют данные Тель-эль-Амарнского архива, у древних египтян имелись специальные тексты, служившие пособиями при обучении аккадскому языку и клинописи.

В период правления фараона Рамсеса II (XIII в. до н. э.) около 1280 г. до н. э. был заключен договор с хеттским царем Хаттусилисом. Первоначально составленный на аккадском языке, он был доставлен Рамсесу, отредактирован последним, вновь переведен на аккадский и отправлен хеттскому царю. Так как сохранились оба варианта, ученые провели сличение аккадского и египетского текстов и пришли к выводу, что при тождественности содержания египетский вариант отличается большей подробностью.

Источники не только упоминают о наличии древнеегипетских переводчиков (о них говорится, например, в письмах вавилонских правителей египетским фараонам, где отмечается, что эти переводчики ездили в Вавилон, очевидно, в составе дипломатических миссий). По свидетельству жившего в V в. до н. э. «отца истории» – греческого автора Геродота, посетившего Египет, они составляли отдельную касту, занимавшую место между торговцами и кормчими (хотя достоверность приведенной информации и не подтверждается другими свидетельствами). Помимо аккадского, как показывают данные Тель-эль-Амарнского архива, древнеегипетские переводчики

знали и другие языки (например, хеттский и хурритский). Особо следует отметить наличие уже к середине I тысячелетия до н. э. переводчиков с греческого языка, благодаря которым упомянутый выше Геродот мог беседовать с египтянами. Важность египетско-греческих переводов существенно выросла после завоевания Египта Александром Македонским, когда греческий язык утверждается в качестве государственного. Поскольку подавляющая часть местного населения им не владела, для успешного функционирования государственного аппарата требовались переводчики, а многие важные документы создавались на двух языках. Наиболее известным из таких билингвов является Розетский камень, текст которого относится к 196 г. до н. э. Именно наличие перевода помогло исследовавшему его французскому ученому Ф. Шампольону положить начало расшифровке древнеегипетских иероглифов.

Небезынтересно отметить, что уже в XIV–XIII вв. до н. э. источники зафиксировали сведения о конкретном переводчике – жреце Анхурмесе, который, несмотря на свою первоначальную бедность, сумел стать переводчиком, знавшим много языков.

Наконец, можно указать наличие в Древнем Египте и так называемого «хронологического» перевода, т. е. передачи текстов с более древних форм языка на более поздние. Это было связано как с эволюцией самого языка, так и с изменением системы письменности – заменой иероглифов демотическим письмом. Так обстояло дело, например, с одним из крупнейших памятников древнеегипетской литературы – «Книгой мертвых».

Таким образом, наличие в Древнем Египте на различных этапах его существования достаточно интенсивной переводческой деятельности не подлежит сомнению, но, как видно из приведенного выше материала, выполняла она в абсолютном большинстве случаев *информационно-коммуникативные* задачи. Существование *литературного* перевода в древнеегипетской цивилизации не установлено, хотя высказывались отдельные соображения о возможности каких-то контактов с иноязычными литературами.

3. Государства Древней Передней и Малой Азии и Месопотамии

Характеризуя ряд существовавших в этом регионе цивилизаций, ученые обращают внимание на свойственное большинству из них многоязычие или, по крайней мере, двуязычие. Старейшей культурой этого региона считается *шумерская*, клинописные памятники которой восходят к концу IV тысячелетия до н. э. Уже на раннем этапе своей истории Шумер оказался под аккадским владычеством, однако завоеватели попали под культурное влияние шумеров. Это в огромной степени способствовало развитию переводческой деятельности, причем не только информационно-коммуникативной, но и литературной. Для ее обеспечения создавались шумерско-аккадские словари и пособия. Кроме того, известны списки выражений на двух шумерских диалектах, один из которых функционировал в качестве культового, а другой – народного языка. Имеются в текстах и упоминания о переводчиках, хотя и немногочисленные.

Большую роль в развитии переводческого дела сыграли шумерские школы, в которых обучались будущие писцы. По окончании учебы выпускник был обязан осуществлять как устный, так и письменный перевод с шумерского языка на аккадский, и наоборот. Дошедший до нас клинописный учебник древнеегипетского языка позволил ученым сделать предположение о наличии и переводчиков с египетского.

Хотя шумерский язык в течение многих веков использовался в культовых целях, сами шумеры после окончательного завоевания Шумера Вавилоном растворились в аккадском этносе. Став преемницей шумерской культуры, культура *Вавилона* многое восприняла от нее. И значительную роль в этом процессе сыграл именно перевод. Известно, что на аккадском языке существовали различные переводы, переложения и обработки шумерских текстов, что говорит о наличии в Вавилоне, помимо информационно-коммуникативного, и достаточно развитого художественного перевода. Имелись и специальные термины для обозначения переводчиков: более старый «таргану(м)», впоследствии заимствованный многими языками (ср. устарелое русское «драгоман»), и появившийся в нововавилонский период «сепиру». Анализ текстов показывает, что

существовали разные группы сепиру (царские, храмовые, военные и т. д.). Могли они состоять и при частных лицах, причем дошли до нас конкретные имена писцов, выполнявших переводческие функции, как вавилонян, так и чужеземцев.

К VII в. до н. э. аккадский язык, бывший долгое время международным языком, стал вытесняться арамейским, что отразилось и на переводческой деятельности. Наиболее известен случай с написанной в VII–VI вв. до н. э. повестью «Поучение Ахикара», первоначальный ассирийский текст которой уже в эпоху античности был переведен на древнегреческий язык (как полагают, в Египте, где был обнаружен оригинал названного произведения), а позднее, в средние века, – на ряд восточных и западных языков, включая древнерусский, на котором она получила название «Повесть об Акире Премудром».

Заметную роль играла переводческая деятельность и в *Хеттском государстве*, которое существовало в XVIII–XII вв. до н. э. в центральной части Малой Азии. Поскольку на формирование хеттской культуры значительное влияние оказали хурриты, жившие в Северной Месопотамии и Северной Сирии, постольку на хеттский язык переводилось большое количество хурритских текстов. Осуществлялись и переводы с – и на другие языки, в частности аккадский и шумерский, о чем говорят тексты и словари, обнаруженные в клинописном архиве близ турецкого селения Боказкей. Хотя оценка принципов, которыми руководствовались хеттские переводчики, весьма затруднительна, однако в специальной литературе указывалось, что ими выполнялись различные типы переводов (дословные, подстрочные, вольные, пересказы изложения). В некоторых переводах с шумерского и аккадского исследователи отмечают стремление к литературной обработке переведенного текста.

В той или иной степени с переводческой деятельностью приходится сталкиваться и при знакомстве с другими восточными цивилизациями: иранской, индийской и т. д. Вместе с тем можно отметить, что, судя по имеющимся источникам, несмотря на обилие и относительное разнообразие, она отличалась прежде всего *практической направленностью*: время создания переводческих концепций еще не пришло.

Глава 2

Переводы и переводческие концепции античной эпохи

1. Понятие античной культуры

Термин «античный» (от латинского слова *antiquus* – древний) применяется для обозначения материальной и духовной культуры двух древних рабовладельческих обществ – греческого и римского. Такое ограниченное употребление указанного термина (ведь рассмотренные выше цивилизации Древнего Востока гораздо древнее «античных» Греции и Рима!) установилось в европейской традиции в силу того, что народы Европы были связаны с ними непосредственной культурой преемственностью, и продолжает использоваться для обозначения социального и культурного единства греко-римской цивилизации. Вместе с тем каждой из них были присущи и свои особенности, в том числе и в интересующей нас области.

2. Переводы на греческий язык и их специфика

Характеризуя отличительные черты древнегреческой литературы, часто отмечают, что она – единственная из литератур Европы, развивавшаяся самостоятельно, без непосредственного использования других литератур. Хотя восточные элементы и проникали в нее, однако происходило это устным, «фольклорным» путем. Способствовало подобному положению вещей и пресловутое культурное высокомерие греков, считавших всех чужеземцев «варварами» и соответственно презрительно относившихся к их языкам. По указанным причинам греческая литература классического периода (V–IV вв. до н. э.) вообще не знала художественного перевода. Разумеется, для сношений с другими народами необходимы были осуществлявшие информационно-коммуникативный перевод толмачи (о них напоминают историк Геродот, посетивший в V в. до н. э. Египет, Финикию и Вавилон; военачальник IV в. до н. э. Ксенофонт,

участвовавший в знаменитом отступлении греческих наемников через огромную территорию персидского государства, и другие источники). Однако выполняли эту функцию не греки, а представители других народов, владевшие греческим языком.

После завоевательных походов Александра Македонского в последней трети IV в. до н. э. и распада после его смерти созданной им огромной державы образовался ряд новых государств, во главе которых встали бывшие сподвижники Александра и их потомки (Египет, Сирия, Пергам и др.). Эти государства, в которых наблюдалось своеобразное скрещение греческих и восточных элементов, стали называть *эллинистическими*, а весь период от Александра Македонского до установления над ними римского владычества – эпохой *эллинизма*, т. е. распространения эллинской (греческой) культуры в странах, завоеванных македонцами. Греческий язык получил широчайшее распространение, превратившись в универсальное средство общения, и сохранил свои позиции и после того, как и сама Греция, и эллинистические государства утратили политическую самостоятельность и попали под власть Рима. Знаменитый римский оратор Марк Туллий Цицерон охарактеризовал эту роль греческого языка в следующих словах: «Если же кто может подумать, что меньшая польза от славы, когда написано это по-гречески, а не по латыни, сильно он ошибается, потому что по-гречески читают почти на всем свете, язык же латинский распространен в своих лишь пределах, небольших, как вы знаете».

Все это приводило к тому, что греческим языком стали пользоваться и представители других народов, входивших в орбиту сначала греко-македонского, а затем римского владычества. Таким путем они стремились познакомить с собственной древней культурой обширный круг читателей из разных стран. Именно по-гречески были написаны на рубеже IV–III вв. до н. э. исторические труды вавилонского жреца Бероса, египетского жреца Манефона, а в I в. н. э. – знаменитые «Иудейские древности» Иосифа Флавия. Разумеется, названные произведения не являются переводами в собственном смысле слова, однако, поскольку в них излагались по-гречески (в переработанном виде) соответствующие источники, которыми пользовались авторы, можно говорить о наличии здесь некоторых элементов межъязыковой адаптации. Пользовались греческим языком и первые римские анналисты (III в. до н. э.). А уже в классическую эпоху по просьбе Цицерона его друг Атик перевел на греческий сочиненную знаменитым оратором поэму, в которой последний восхвалял собственные заслуги при подавлении заговора Катилины. Существовала греческая версия описания морских путешествий карфагенских флотоводцев Ганона и Гимимкона, позднее (IV в. н. э.) была передана по-гречески Пеанием известная работа по римской истории Евтропия, служившего личным секретарем императора Валента (в VI в. был предпринят историком Капитоном новый перевод, который до нас не дошел), и т. д.

Особенно следует отметить переводы, предназначенные для представителей иудейской диаспоры в Александрии Египетской. Несмотря на довольно натянутые отношения с греческим населением города, результатами которых были частые конфликты, многие ее представители эллинизировались настолько, что практически утратили знание древнееврейского языка. Возникла необходимость создания греческой версии Священного Писания иудеев (в христианской традиции она именуется Ветхим Заветом), что и было сделано в III в. до н. э. Позднее, во II в. до н. э., на греческий язык была переведена «Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова», также присоединяемая к библейскому канону. Ее автором считается еврейский книжник Иисус бен-Эмазар бен Сира, а переводчиком – внук последнего, носивший то же самое имя. Приехав в Египет и оставшись в Александрии, он нашел своих соотечественников сильно эллинизовавшимися и поэтому, по собственным словам, положил много труда, «чтобы довести книгу до конца и выпустить ее в свет для тех, которые на чужбине желают учиться».

В источниках содержатся и упоминания (хотя достаточно немногочисленные) о греческих версиях египетских литературных текстов. В этой связи отмечается, что еще до завоевания Египта Александром Великим, в 360 г. до н. э., грек *Евдоксий Книдский*, посетивший эту страну, выучил с помощью мемфисского жреца Хонуфиса египетский язык и перевел сборник басен «Речи собак», который до нас не дошел. В одном из позднейших папирусов, относящихся уже ко II в. н. э.,

содержится предисловие к переводу египетского текста, где отмечается, что последний не является дословным: его создатель, руководствуясь прежде всего прагматическими соображениями, позволял себе вносить в текст дополнения, сокращения, опущения, стилистические коррективы и т. д.

Разумеется, продолжала развиваться в эллинистических государствах и традиция информационно-коммуникативного перевода, вызванного практическими потребностями. Так, например, в Египте переводчики участвовали в делопроизводстве, переводя речи местных жителей, адресованные царям, царские распоряжения и послания и т. п. Сохранилось несколько греческих переводов египетских документов, которые начинаются словами: «Копия записи египетской, переведенной по возможности точно». Отсюда делается вывод, что литературный и информационно-коммуникативный переводы на греческий опирались на разные принципы: в первом случае преобладала переделка – адаптация, во втором – стремление к максимальной дословности.

Таким образом, подводя итоги нашему рассмотрению, можно заметить следующее: при достаточно большом количестве переводов на древнегреческий язык, *собственно греческой* переводческой традиции античность не знала. Какие-либо теоретические рассуждения о переводе отсутствовали, а весьма оживленная лексикографическая работа, развернувшаяся в эллинистическую эпоху (словари трудных и устаревших слов, диалектные и этимологические словари и т. д.), была исключительно одноязычной.

3. Начало переводческой деятельности в Древнем Риме

Возникнув как небольшое поселение (по преданию, это произошло в 753 г. до н. э.), Рим постепенно превращался в мировую державу, подчинив себе множество стран и народов. В результате соприкосновения с греческими колониями в Италии началась *эллинизация* римской культуры, особенно усилившаяся к III в. до н. э. Уже во II в. до н. э. знание греческого языка было для представителей римской знати почти обязательным явлением в большинстве аристократических семей. Оценивая позднее размах греческой культурной экспансии, великий римский поэт Гораций писал:

«Graecia capta ferocem victorem cepit et artes // Intulit agresti Latio...» (Побежденная Греция пленила своего дикого победителя и внесла искусства в сельский Лаций).

Указанные обстоятельства создавали весьма благоприятные условия для развития перевода. С одной стороны, широко применялся при сношениях с другими народами информационно-коммуникативный перевод, с другой – формировалась традиция художественного перевода, который выполнялся исключительно с греческого языка.

Само возникновение римской литературы также оказалось тесно связанным с этим последним. Причем представляется не лишенным интереса, что, хотя, как мы видели выше, сами греки крайне редко занимались переводами на свой родной язык, первым переводчиком художественного текста на латынь оказался как раз грек по происхождению *Ливий Андроник* (умер около 204 г. до н. э.), попавший в Рим в качестве военнопленного и занимавшийся там педагогической деятельностью. Поскольку греческая традиция требовала начинать обучение с объяснительного чтения гомеровского эпоса, Ливий Андроник создал латинскую версию «Одиссеи». Как предполагают, выбор именно данного произведения (а не «Илиады», как можно было ожидать) объясняется, в первую очередь, его большей занимательностью, а также тем, что местом странствий Одиссея были сицилийские и итальянские берега, т. е. переводчик стремился учесть интересы и потребности своей аудитории. Сохранившиеся фрагменты позволяют сделать вывод, что Ливий в значительной степени адаптировал исходный текст, позволяя себе упрощение подлинника, пересказы, изменения образов. Имена греческих богов переделаны на римский лад, гекзаметр оригинала заменен старинным размером римской народной поэзии – сатурновым стихом, что привело к изменению ритмико-синтаксического движения оригинала. Так было положено начало основному принципу, определявшему последующее развитие римского литературного перевода (в противоположность информационно-коммуникативному):

приспособлять оригинал к культурным потребностям своей эпохи для обогащения собственного языка и литературы с помощью чужого материала.

Помимо перевода «Одиссеи» Ливий Андроник получил известность обработками для римской сцены греческих комедий и трагедий (тексты которых до нас не дошли). Заложенную им традицию продолжил *Гней Невий*, впервые применивший прием *контаминации*, т. е. привнесения в латинскую версию той или иной греческой комедии сцен и мотивов из других пьес. Предполагают, что этот прием широко использовали и другие ранние римские авторы, обращавшиеся к греческой драматургии – *Тит Макций Плавт* (умер около 184 г. до н. э.), *Квинт Энний* (239–169 гг. до н. э.), прославившийся главным образом своими версиями греческих трагедий, *Публий Теренций Афр* (около 190–159 гг. до н. э.). Его распространение объясняют, с одной стороны, тем, что для римской публики требовались больший динамизм и движение, чем имелось в греческих оригиналах, а с другой – что некоторые черты греческого быта были непонятны и чужды римлянам. Так, например, в Афинах допускался брак с единокровной сестрой, происходившей от другой матери, тогда как в Риме он мог вызвать только негодование. Поэтому при создании латинской версии часто приходилось исключать целые эпизоды, для восполнения которых и обращались к контаминации. Впрочем, названный прием не всегда встречал одобрение. Комедиограф *Цецилий Стаций* (умер в 168 г. до н. э.), принадлежавший к школе Энния, выбирая для своих переделок пьесы греческого комедиографа Менандра, стремился не прибегать к контаминации, приближая собственный вариант к греческому образцу. А Теренцию пришлось даже вступить в полемику с другим драматургом – *Луцием Ланувином*, настаивавшем на том, что оригиналы следует именно переводить (хотя не дословно), но не переделывать, потому что переделка только портит их. На упреки последнего в использовании контаминации Теренций отвечал в прологе к одной из своих комедий:

...Зложелатели

Пуускают слухи, что перемешал поэт
Комедий много греческих, творя у них
Немногие латинские. Не спорит он:
Так делал; но себя не упрекает в том.
И впредь намерен делать то же самое,
Пример ему – отличные писатели:
Он думает, что и ему позволено
По их примеру действовать.
(Перевод А. Артюшкова)

Вместе с тем сам Теренций заботился о том, чтобы контаминация не нарушала целостности сюжета и последовательности характеров, сохраняя, таким образом, стиль оригинала.

4. Развитие римского перевода в классическую эпоху

В I в. до н. э. в Риме происходит целый ряд важных событий, связанных со сменой республиканской формы правления монархической. Этот период получил название «золотого века» римской литературы. Знание греческого языка, достаточно широко распространенное уже столетие назад, становится практически повсеместным. Переводы с греческого начинают рассматриваться как важнейший компонент общеобразовательной подготовки. Как отмечал впоследствии один из виднейших представителей римской риторики *Марк Фабий Квинтилиан* (около 30–96 гг. н. э.), почти все римские ораторы считали перевод произведений своих греческих собратьев «наилучшим занятием». Причем интерес к переводу характеризовал не только интеллектуальную элиту, но и самые широкие круги образованных римлян, о чем свидетельствует множество факторов. Так, например, брат знаменитого Цицерона – Квинт, находясь в армии Цезаря, в свободное от походов время любил переводить трагедии Софокла, причем делал это очень быстро. Таким же увлечением отличался другой офицер Цезаря – Асиний Поллион, игравший довольно видную роль в период гражданских войн в Риме, и т. д.

С другой стороны, широкое распространение греческого языка и практическое двуязычие римского общества в эпоху, о которой идет речь, приводило к тому, что большинство представителей последнего могло знакомиться с произведениями греческой литературы непосредственно по оригиналу. Поэтому, принимаясь за передачу какого-нибудь греческого автора, переводчик предполагал знакомство с ним своего читателя и стремился не столько к точной (в нашем понимании) передаче, сколько к творческой обработке оригинала, создавая по мотивам последнего собственную версию (упомянутый выше Квинтилиан считал, что литературный перевод должен представлять не просто парафразу оригинала, а своеобразное состязание с ним при сохранении содержания). Вероятно, указанным обстоятельством объясняется, что понятие «*fidus interpres*» – «верный переводчик» получало у большинства римских авторов негативную оценку как явление, стоящее за пределами литературы. Об этом, в частности, свидетельствуют, с одной стороны, слова Цицерона, ставившего себе в заслугу, что он подошел к передаче греческого текста не как переводчик, а как оратор и поэтому не имел надобности переводить слово в слово, а с другой – более позднее наставление одного из крупнейших римских поэтов *Квинта Горация Флакка* (65—8 гг. до н. э.), призывавшего не подражать воспроизводящему оригинал слово в слово «верному переводчику». Тем не менее некоторые косвенные данные позволяют предположить, что и применительно к литературным текстам в Риме мог использоваться тип перевода, близкий к буквальному. Так, у Цицерона, наряду со свидетельством, согласно которому, римляне передавали греческие оригиналы не дословно, а воспроизводя только их смысл, можно встретить и утверждение о стремлении к дословной передаче последними греческих подлинников. Да и само обилие высказываний, направленных против буквального перевода, тоже в какой-то степени говорит о его распространении (хотя тексты, отражающие подобный метод, не сохранились).

Среди крупнейших деятелей римской литературы рассматриваемой эпохи, внесших значительный вклад в развитие перевода, необходимо назвать имена поэта-лирика *Катулла* и прославленного оратора *Цицерона*.

Гай Валерий Катулл (умер около 54 г. до н. э.) вошел в историю перевода прежде всего благодаря воссозданию на латинском языке знаменитого стихотворения поэтессы *Сапфо* «Тот мне кажется равным богу» и элегии поэта *александрийской* эпохи *Каллимаха* «Волосы Береники». В первом случае чувства автора переносятся *Катуллом* на свои собственные переживания. В то время как первые три строфы следуют за подлинником, четвертая заменена самостоятельным четверостишием, в котором поэт размышляет о себе и своем образе жизни. Что же касается произведения *Каллимаха*, то точность его передачи признается исследователями совершенно необычной для римской художественной практики и едва ли не единственным доказательством существования в ней адекватного перевода, сохранявшего не только сюжет, но и ритмико-синтаксическое движение оригинала.

Величайший римский оратор, «бог красноречия» *Марк Туллий Цицерон* (106—43 гг. до н. э.) занимался проблемами перевода в течение всей своей жизни, начиная с юношеских лет, когда, готовя себя к будущей деятельности, он стал, по собственным словам, перелагать с греческого речи лучших ораторов, и вплоть до зрелых годов, когда, после установления диктатуры *Цезаря*, главным делом *Цицерона* стали составление и перевод философских диалогов. По содержанию оставленное им переводческое наследие также весьма разнообразно: помимо двух речей афинских ораторов – *Эсхина* и *Демосфена*, *Цицерону* принадлежали латинские версии астрономической поэмы *александрийского* поэта *Арата*, «*Домостроя*» (*Oeconomicus*) *Ксенофонта*, отдельных диалогов *Платона*. Кроме того, в сочинениях *Цицерона* встречается множество переведенных им цитат из греческих авторов. С другой стороны, римский оратор оставил целый ряд рассуждений о принципах и приемах передачи иноязычного текста, которые сыграли большую роль в дальнейшем развитии теории и практики перевода.

Среди важнейших задач последнего *Цицерон* прежде всего выделял обогащение переводящего языка и его лексики. Вспоминая о своих юношеских занятиях, он отмечал: «Передавая по латыни написанное по-гречески, я должен был не только брать самые лучшие из употребительных слов,

но также по образцу подлинника чеканить кое-какие новые для нас слова, лишь бы они были к месту»^[11]. В дальнейшем он провел большую работу по созданию эквивалентных греческим латинских терминов. По свидетельству историка Плутарха, написавшего биографию Цицерона, именно последний впервые ввел названия для таких понятий, как «представление», «согласие», «восприятие» и т. д., используя, в частности, принципы метафорического переноса. Необходимость в подобного рода работе, по мнению Цицерона, вызывалась прежде всего тем, что многие римляне не могли поделиться с соотечественниками знаниями, усвоенными у греков, так как были лишены возможности передать полученные сведения на родном языке.

Не меньше внимания уделял Цицерон и другому прикладному аспекту художественного перевода – обогащению принимающей литературы и пополнению ее новыми жанрами. Так, обратившись к воссозданию по-латыни диалогов Платона, Цицерон заложил основы римской философской прозы. Причем, переводя, например, диалог «Тимей», он хотел использовать последний для создания собственного философского труда. Наконец, занятия переводом были для Цицерона одним из самых эффективных способов выработать и отшлифовать свой собственный стиль, т. е. имели ярко выраженную учебно-педагогическую направленность, сохранившуюся в римской культуре в дальнейшем.

В своих теоретических суждениях Цицерон, признавая возможность двоякой передачи оригинала – дословной и воспроизводящей не слова, а силу, явно отдавал предпочтение второму способу. Говоря о методе, которому он следовал при создании латинских версий речей Эсхина и Демосфена, Цицерон отмечает, что, сохранив их мысли и форму, он приспособил слова и обороты к собственному языку. «Я полагал, – подытоживает автор свои рассуждения, – что читателю следует ожидать от меня не подсчета, а взвешивания слов. Как я надеюсь, в этих речах мною сохранены все их достоинства, т. е. мысли, обороты, порядок расположения, слова же я увязал между собой так, чтобы это не противоречило нашему обычаю, – так что, если и не все они переведены с греческого, то отделаны таким же образом».

Вместе с тем выбор того или иного способа передачи греческого текста у Цицерона мог варьироваться. Так, например, большинство выполненных в молодые годы учебных переводов отличаются большей вольностью по отношению к подлиннику, чем созданные впоследствии версии философских диалогов Платона. С другой стороны, живший несколькими веками позднее переводчик Библии на латинский язык Иероним, считавший Цицерона противником дословности, указывал тем не менее, что не дошедший до нас перевод произведения Ксенофонта был выполнен буквально, и отмечал в связи с этим присущие последнему недостатки языка и стиля.

Творческое наследие Цицерона сыграло важную роль в дальнейшем развитии европейского перевода и принадлежит к числу наиболее замечательных страниц античного наследия в интересующей нас области.

5. Римский перевод после классической эпохи

В первые века нашей эры воззрения на перевод не претерпели сколько-нибудь существенных изменений. Установка преимущественно на вольное переложение подлинника явственно отражается в утверждении упомянутого выше Марка Фабия Квинтилиана, который в своем труде «О воспитании оратора» указывал, что перевод должен содержать не просто парафразу оригинала, а своеобразное состязание с ним при сохранении содержания. Об образовательной ценности занятий переводом говорил в одном из писем и другой видный деятель римской культуры императорской эпохи *Гай Плиний Цецилий Секунд*, известный как *Плиний Младший* (61 или 62 – около 114): «Полезно... – и это советуют многие, – переводить или с греческого на латинский или с латинского на греческий: благодаря упражнениям этого рода вырабатываются точность и блеск в словоупотреблении, обилие фигур, сила изложения, а кроме того, вследствие подражания лучшим образцам, и сходная изобретательность; вместе с тем то, что ускользнуло от читателя, не может укрыться от переводчика. От этого приобретает тонкость понимания и правильное суждение».

В области литературного перевода следует упомянуть прежде всего деятельность баснописца *Федра*, раба, а затем вольноотпущенника императора Августа. Разумеется, говорить о переводе здесь можно лишь с большой долей условности. Созданные им пять сборников «Эзоповых басен» включали не только изложенные латинскими стихами сюжеты греческих басен, приписывавшихся легендарному Эзопу, но и самостоятельные произведения. Позднее, уже в V в., *Авианом* была осуществлена стихотворная передача басен древнегреческого поэта Бабрия, жившего на рубеже I–II вв. н. э., с указанием, что латинская версия представляет собой поэтическую обработку того, что раньше уже было воспроизведено прозой.

Своеобразное стремление использовать иноязычный сюжет с целью пропаганды римской экспансии на Востоке характеризует деятельность *Валерия Флакка* (умер около 90 г.). Обратившись к поэме «Аргонавтика» греческого поэта III в. до н. э. Аполлония Родосского (один раз уже переданной по-латински Варроном Атацинским), он самым существенным образом изменил характер главного героя, превратив робкого и коварного Язона в храброго и надменного вителя, олицетворяющего собой тип настоящего римлянина в его лучших и худших чертах.

Достаточно разнообразна картина переводческой деятельности последних веков существования Римской империи. К ней обращался виднейший поэт IV в. *Децим Магн Авсоний* (около 310–395), оставивший несколько переводов греческих авторов, которые достаточно полно передают соответствующие оригиналы. Из прозаических переводов можно упомянуть греческие романы III–IV вв. н. э.: «Деяния Александра», героем которого был Александр Македонский (в средние века это произведение пользовалось большой популярностью и было переведено на многие языки), и «История Аполлония, царя Тирского». С другой стороны, получают распространение и различные *переводческие мистификации*. В этом случае произведению мог намеренно приписываться переводной характер, как это имело место, например, в относящемся к III–IV вв. сборнику басен «Ромул», который выдавался в предисловии за перевод басен Эзопа, хотя опирался исключительно на латинские источники. Вместе с тем история передачи на латинский язык памятников, действительно связанных в той или иной степени с греческими оригиналами, могла дополняться подробностями явно вымышленного характера. Именно так обстояло дело с двумя произведениями повествовательной литературы III–IV вв. н. э. – «Дневником Троянской войны» и «Историей падения Трои». О первой сообщалось, что она первоначально была написана на финикийском языке неким Диктисом – участником троянского похода, найдена в его могиле при императоре Нероне и переведена по приказанию последнего на греческий, а затем неким Луцием Септимием – на латинский язык. Рукопись же второго произведения якобы обнаружил в Афинах известный историк I в. до н. э. Корнелий Непот, который перевел ее на латинский язык, ничего не изменив.

В области перевода философской и научной прозы особое значение имела деятельность *Аниция Манлия Торквата Северина Боэция* (около 480–524), жизнь и деятельность которого протекали уже после падения Западной Римской империи при дворе остготского короля Теодориха, по приказу которого он впоследствии был казнен.

Именно Боэций стал как бы соединительным звеном между античностью и средневековьем, переводя на латинский язык такие произведения греческих авторов, как логические труды Аристотеля «Об истолковании» («Герменевтика») и «Категории» с «Введением» Порфирия, первые четыре книги Евклида (хотя и без доказательств) и «Основания арифметики» Никомаха (последняя версия представляла собой пересказ), снабдив их своими комментариями, оказавшими громадное влияние на дальнейшее развитие философской мысли в Западной Европе. Характерно, что, формулируя принципы, которыми он руководствовался в своей работе, Боэций считал необходимым прежде всего решительно отмежеваться от преобладавшей в римской античности традиции вольного обращения с подлинником: «Боюсь, что я приму на себя вину “верного переводчика” (в оригинале – *fidus interpres*, т. е. аллюзия на упомянутое выше высказывание Горация. – Л.Н., Г.Х.), ибо передал текст... слово в слово. Причина этому та, что в трудах, в которых ищут познания вещей, должна быть выражена не изящная красота речи, а не подвергшаяся искажениям истина».

Переводческая деятельность Боэция получила высокую оценку со стороны его младшего современника *Магна Аврелия Кассиодора Сенатора* (490?–575?), которого как и Боэция часто называют «последним римляном». «Какие бы науки и искусства ни создала силами своих мужей красноречивая Греция, – обращался он к последнему, – все их Рим принял от тебя одного. Все их ты сделал ясными посредством отменных слов, прозрачными – посредством точной речи, так что они предпочли бы твое произведение своему, если бы имели возможность сравнить свой труд с твоим». Сам Кассиодор (занимавший, как и Боэций, высокие государственные посты) был организатором и активным участником перевода на латинский язык сочинений Иосифа Флавия.

6. Общая характеристика римского перевода

Как показывает приведенный выше обзор, в Древнем Риме существовали самые различные типы перевода (информационно-коммуникативного и художественного), включая сравнительно точное воспроизведение подлинника, сочетание последнего с оригинальными мотивами, контаминацию, различные способы адаптации и переработки оригинала и т. д. По сути, в нем были представлены все виды перевода, известные и в наши дни, хотя несомненно преобладало (поскольку речь идет о художественном тексте). достаточно свободное отношение к оригиналу. Было также положено начало теоретическим рассуждениям о целях, задачах и методах перевода и критической оценке его результатов, которые впоследствии оказали большое влияние на дальнейшее развитие европейской переводческой традиции.

Глава 3

Мировые религии и развитие перевода

1. Понятие мировой религии

К числу мировых религий принято относить буддизм, христианство и мусульманство, вышедшие далеко за пределы своего первоначального распространения и объединяющие людей, принадлежащих к различным народам и расам и говорящих на разных языках. Таким образом, для мировых религий характерно стремление к *универсализму*, что предопределяет важное значение, отводимое в них *религиозной пропаганде*, которая немыслима без перевода соответствующей сакральной литературы. Часто само принятие новой религии приводило к появлению у тех или иных народов письменности и литературы – сначала переводной, а затем и оригинальной.

Вместе с тем универсальный характер соответствующей мировой религии мог вызывать и тенденцию к использованию *только одного языка*, выполняющего сакральную функцию и противопоставляемого всем остальным в качестве единственного средства, пригодного для религиозных нужд. Это, в свою очередь, приводило к ограничению сферы действия национальных языков, а иногда и к попыткам полного их вытеснения из литературы – причем не только духовной в собственном смысле слова, но и светской. Так, например, исламская традиция вообще не допускала перевода священной книги мусульман – Корана на другие языки, чем и объясняется отсутствие в данной главе посвященных ей разделов. Сложно и противоречиво обстояло дело с указанной проблемой в католических странах средневековой Европы и т. д.

2. Переводы буддийской литературы

Основателем буддизма считается религиозный деятель *сиддхартха шакьямуни* («отшельник-мудрец из племени шакьев»), происходивший из знатного рода Гаутама и принявший имя Будда («просветленный»). Точные даты его жизни неизвестны; предположительно они относятся к 563 (566)–483 (486) гг. до н. э., хотя высказывались и другие предположения.

Буддийская литература весьма богата и разнообразна по содержанию (канонические тексты, комментарии, религиозно-философские произведения и т. д.). Согласно традиции, сам Будда, желавший, чтобы его последователи излагали новое учение на своих родных языках, проповедовал на одном из среднеиндийских языков – магадхи. Однако памятники буддийской

литературы дошли до нас на разных языках – санскрите, тибетском, палие и др., что затрудняет вопрос о первоначальном составе буддийского канона.

Проникновение буддизма в Китай привело к появлению переводов буддийских текстов на китайский язык. Необходимо отметить, что до этого переводческая деятельность в Китае фактически отсутствовала (поскольку речь идет о литературном переводе). Указанное обстоятельство в значительной степени объяснялось присущей древнекитайской культуре замкнутости и уверенности в своем превосходстве над всем иностранным, «варварским», подобно тому, как это имело место в Древней Греции. Естественно, что первыми переводчиками [19] стали не китайцы, а прибывшие в Китай буддийские миссионеры – выходцы из Индии, Парфии, Центральной и Средней Азии. Поскольку перед переводчиками стояла необычайно сложная задача – не только преодолеть языковые трудности, но и донести до китайской аудитории философские категории, представления и этические нормы буддизма, они часто работали целыми коллективами, обсуждая варианты переводов и выбирая необходимую терминологию. Среди наиболее видных переводчиков были индийские монахи *Катаяна Матанги* и *Дхармаратна*, которым приписывается перевод «Сутры из 42 глав», представлявший собой скорее изложение основных догм буддизма, парфянец *Ань Шингао* и другие. Первым собственно китайским переводчиком традиционно считается *Янь Фодяо*, который вместе с парфянцем *Ань Сюанем*, как считается, перевел знаменитую «Сутру о Виламокирти».

Сохранилось несколько рассказов о чудесных явлениях, связанных с переводческой деятельностью проповедников буддизма. Так, согласно преданию, монах *Сангхдэва*, прибывший в Китай из Кашмира (402 г.) в качестве миссионера, не имел с собой никаких книг, однако сумел по памяти перевести на китайский язык одну из самых обширных буддийских сутр. Другой индеец – *Кумараджива*, прибывший в Китай по приглашению правителя страны в 402 г., прославился тем, что устно переводил по памяти буддийские тексты, которые писцы записывали под его диктовку. Поскольку многие более ранние китайские версии не отражали истинного содержания санскритских оригиналов, Кумараджива создал с помощью выделенных ему помощников новый перевод одной из сутр. Приобретя широкую известность, Кумараджива тем не менее считал, что сохранить в переводе изящество и выразительность необычайно трудно. Сохранилось предание, согласно которому Кумараджива поклялся, что если он не допустил при передаче никаких ошибок, то после смерти, когда его тело будет сожжено, язык останется невредимым, и это предсказание сбылось.

Появление на китайском языке буддийских произведений оказало большое влияние на китайскую литературу и способствовало пробуждению интереса и к воссозданию индийских трактатов по медицине, астрономии и т. д.

Переводческая деятельность способствовала формированию соответствующих школ и концепций. Осуществлялась и редакторская деятельность, в которой принимал участие поэт *Се Линюнь*, специально изучавший санскрит.

Помимо Китая, переводы буддийских текстов осуществлялись в государствах Юго-Восточной, Центральной и Средней Азии, в Японии и т. д., оказав большое влияние на их дальнейшее культурное развитие.

3. Ветхозаветная литература и ее переводы на греческий язык

Как известно, специфической особенностью христианского учения является преемственная связь с древнееврейской религией – иудаизмом, Священная Книга которого вошла в христианскую Библию под именем Ветхого Завета. Жанровые и стилевые особенности входящих сюда произведений отличаются большим разнообразием, поскольку ветхозаветный канон складывался на протяжении почти тысячи лет – приблизительно в XII–II вв. до н. э.

Вопрос о создании греческой версии библейского текста возник в III в. до н. э. среди александрийских евреев и, как отмечалось выше, был связан с тем обстоятельством, что знание древнееврейского языка среди последних к этому времени стало редкостью. Следует отметить, что

соображения религиозной пропаганды в данном случае решающей роли, вероятно, не играли, поскольку в целом миссионерская направленность для иудаизма нехарактерна. Вместе с тем легенда, возникшая вокруг этого перевода, ясно свидетельствует о стремлении придать созданию греческого текста Библии характер, выходящий за пределы чисто внутрииудейских дел, приписав инициативу его появления самому царю эллинистического Египта Птолемею II Филадельфу, правившему страной в 285–246 гг. до н. э., который якобы, узнав о существовании мудрой книги, содержащей иудейские законы, обратился к иудейскому первосвященнику Элеазару с письмом, где говорилось: «Желая сделать приятное всем живущим на земле иудеям, я решил приступить к переводу вашего закона и, переведя его с еврейского языка на греческий, поместить эту книгу в своей библиотеке».

Поэтому ты поступишь хорошо, если выберешь по шести престарелых мужей из каждого колена, которые вследствие продолжительности занятий своих законами многоопытны в них и смогли бы в точности перевести его. Я полагаю стяжать себе этим делом величайшую славу».

Далее легенда повествует, что из каждого из 12 «колен Израилевых» было отобрано по шесть ученых переводчиков, прибывших в Египет. Размещенные на острове Фаросе, они были лишены возможности общаться друг с другом, но когда после окончания работы рукописи сличили, оказалось, что все переводы совпали слово в слово. Созданная версия позднее стала именоваться Септуагинтой (лат. *septuaginta* – «семьдесят»), или переводом Семидесяти Толковников (цифра 72 подверглась округлению). Считается, что она включала первую часть Священного Писания – Пятикнижие Моисеево, а вся работа по переводу иудейской Библии была завершена к концу II в. до н. э.

Исследователи Септуагинты отмечали, что уровень и стиль передачи отдельных частей оригинала весьма различны – от буквального воспроизведения до парафразы. Наблюдаются в ней и определенные отклонения от подлинника, вызванные несходством языковых систем и культурной традиции.

После возникновения христианства Септуагинта вошла в состав греческой Библии в качестве Ветхого Завета, причем считалась столь же боговдохновенной, как и еврейский оригинал. Однако в иудейских кругах к первым векам нашей эры стало распространяться убеждение в том, что эта версия слишком отстает от подлинника. По-видимому, помимо действительно наличествовавшего в Септуагинте некоторого налета античного мировоззрения, сыграло роль и желание иметь собственный греческий текст, отличающийся от христианского. Результатом стало появление во II в. н. э. перевода *Аквилы*, за которым закрепилась репутация крайне буквалистического, и относящегося к рубежу II–III вв. перевода *Симмаха*, который, как считается, характеризовался большей свободой по отношению к оригиналу и ориентировался на нормы переводящего (греческого) языка при сохранении в целом смысла подлинника. Известна также версия *Феодотиона*, вероятно, также созданная во II в. и скорее представлявшая обработку Септуагинты. Впрочем, судить о качестве упомянутых переводов можно лишь по весьма незначительным фрагментам и отзывам древних авторов, поскольку в полном виде они до нас не дошли. Как представляется, причина их утраты состояла в том, что христианской версией всегда оставалась Септуагинта, а греческий язык перестал в дальнейшем использоваться иудеями, уступив место в синагоге древнееврейскому языку.

В III в. н. э. один из отцов церкви – *Ориген Александрийский* (185?–254?) сличил имевшиеся в его распоряжении греческие версии с еврейским оригиналом и расположил их в виде вертикальных столбцов – подлинный текст, его транскрипция греческими буквами и существующие переводы. Позднее, в IV в., появились и другие редакции – *Лукиана* в Антиохии и епископа *Гензихия* (*Исихия*) в Александрии, получившие распространение в разных частях христианского мира.

4. Создание латинской Библии

С распространением христианства на территории Римской империи встал вопрос о создании ее латинской версии. Причем, если в случае с греческим переводом речь шла только о воссоздании

ветхозаветного канона (поскольку оригиналы книг Нового Завета были написаны по-гречески, хотя уже в древности высказывались предположения о первоначальной арамейской редакции некоторых из них), переводить здесь предстояло обе части Библии.

Первый вариант латиноязычного Священного Писания, как предполагают, был создан во II в. христианами Северной Африки и в дальнейшем стал известным под именем Италы. Однако, несмотря на признание со стороны таких крупных христианских мыслителей, как Тертуллиан, Киприан и Августин, текст названной версии довольно сильно расходился в ряде моментов с оригиналом, а кроме того, в различных ее рукописях содержались существенные разночтения – обстоятельство, не только крайне нежелательное, но и прямо опасное для единства веры. Особенно сильно необходимость создания канонической Библии на латинском языке стала ощущаться в IV в., когда христианство утвердилось в Римской империи в качестве государственной религии.

По решению тогдашнего главы католической церкви – папы Дамасия выполнение указанной задачи было поручено *Евсевию Софронию Иерониму* (340?—420?), которому, по собственным словам, предстояло пересмотреть труды своих предшественников и исправить то, что было «плохо переведено дурными переводчиками, еще хуже исправлено самонадеянными невеждами и добавлено либо изменено дремавшими переписчиками».

При этом подход Иеронима к передаче книг Ветхого и Нового Заветов существенно различался. Если, работая над версией Нового Завета, он видел свою задачу прежде всего в сличении существовавших вариантов, отборе тех, которые соответствовали греческому подлиннику, и исправлении явных расхождений с ним, то большинство произведений, входящих в состав Ветхого Завета, Иероним перевел заново с древнееврейского языка на латынь.

Работа предшественников не удовлетворяла создателя нового варианта прежде всего потому, что они видели зачастую только поверхность текста, а не его глубину. Поэтому книги Священного Писания предстают в переводах гораздо более тяжеловесными и гораздо менее изящными, нежели в оригинале, представляющем собой образец высокой поэзии. В связи с отмеченным моментом Иероним указывает на стоящую перед переводчиком дилемму: ведь дословный перевод приводит к абсурду, а вынужденное необходимостью отступление от него представляется нарушением обязанностей переводчика.

Для ответа на вопрос, какому пути все-таки отдавал предпочтение сам Иероним, исследователи обращаются обычно к написанному им «Письму к Паммахию о лучшем способе перевода», где, характеризуя свою переводческую деятельность (а помимо Библии перу Иеронима принадлежали латинские версии исторического труда церковного историка Евсевия, сочинений Оригена, богословского труда Дидима), автор подчеркивал, что, следуя заветам античных классиков (Цицерона, Горация, Теренция, Плавта, Цецилия), он всегда передавал не слово словом, а мысль мыслью – всегда, за исключением Священного Писания, «где и самый порядок слов есть тайна». Иными словами, с точки зрения Иеронима, столь высоко ценимые им принципы древнеримской переводческой традиции не подходят для воссоздания Слова Божия (напомним, что сакральные тексты вообще не входили в сферу деятельности римских переводчиков). Поэтому Иероним подвергает критике не только пресловутого Аквилу, чей буквализм означал фактическое уничтожение подлинника, но и тех, в ком он видел союзников по борьбе с прямолинейной дословностью – опиравшегося главным образом на смысл Симмаха, «одержимого риторическим духом» Цицерона и даже Септуагинту, где многие места, в которых, согласно христианскому толкованию, речь идет о Святой Троице, либо переданы по-иному, либо вообще обойдены молчанием. В связи с этим Иероним настаивает на праве давать при переводе ветхозаветного канона иную интерпретацию (несмотря на признание перевода Семидесяти Толковников христианской церковью), мотивируя свой подход следующим образом: создатели греческого текста переводили еще до появления Христа и часто не могли понять подлинный смысл пророчеств; мы же сейчас, зная, о чем идет речь, имеем дело не столько с пророчествами, сколько с историей; и так как лучше понимаем смысл текста, способны и перевести его лучше

предшественников. Вот почему создатель латинской Библии часто считает необходимым не следовать старым переводам, а опираться на оригинальные источники, благодаря которым в переводе обретут подлинное звучание и слова, и значения, и неразрывно связывающее их в оригинале единство.

Однако Иероним хорошо понимал, что, несмотря на все приведенные им доводы, вряд ли ему удастся избежать нападков противников. «Кто из ученых или неучей, – писал он папе Дамасию, – взяв в руки этот труд и обнаружив в нем уже с первых страниц расхождения с привычным текстом, не обрушится на меня с обвинениями в обмане и святотатстве за то, что я посмел что-то добавить, изменить или исправить в старых книгах».

Действительно, отклонения от столь почитаемого в христианских кругах текста Септуагинты вызвали со стороны некоторых критиков обвинения в ереси. Однако, уже начиная с VII в., версия Иеронима, получившая наименование «Вульгата» («Общераспространенная»), была принята католической церковью и вошла в повсеместное употребление, а еще девятьсот лет спустя Тридентский собор 1546 г. объявил ее боговдохновенной и равной оригиналу.

Проблемы перевода библейского текста касался в своем теологическом трактате «О христианской науке» и один из крупнейших мыслителей позднеантичной эпохи *Аврелий Августин* (354–430), отмечавший необходимость глубокого знания языков, на которых были написаны оригиналы Ветхого и Нового Заветов, а также умения прояснять «темные» (т. е. затруднительные для понимания) места подлинника «светлыми». Августин останавливался и на таких вопросах, как наличие у слов разных значений, затрудняющих правильное понимание, архаичная лексика, идиомы, реалии (названия тех или иных конкретных вещей, животных, растений, предметов быта и т. п.). Важное значение отводит автор принципу сопоставления разных версий, причем указывает на пользу, приносимую буквальными переводами, поскольку последние при всей своей корявости более точны при передаче оригинала. Однако в отличие от Иеронима сам Августин переводческой деятельностью не занимался, а его теоретические размышления относились скорее к экзегетике (толкованию) библейских текстов, нежели к переводу в собственном смысле слова.

5. Переводы Библии на другие европейские языки и борьба с ними

Почти одновременно с латинским осуществлялся и перевод Библии на готский язык, автором которого был епископ *Ульфилас*, называемый также *Вульфилой* (317?–381). В роли исходного текста выступала одна из версий Септуагинты. Сохранилось и письмо Иеронима двум готским клирикам, в котором создатель Вульгаты объяснил принципы перевода священных книг. Здесь также велись дискуссии и споры по этим проблемам, о чем свидетельствует один из средневековых памятников, где речь идет о технике перевода Писания на греческий, латинский и готский языки. Предисловие к нему полемически заострено против тех, кто позволял себе слишком свободно обходиться с библейским текстом.

Дальнейшая история библейских переводов на языки западноевропейских народов отличалась еще большим драматизмом, а порой принимала трагические формы. С одной стороны, появлялись новые версии Священного Писания, прежде всего – новозаветной литературы (о некоторых из них будет сказано в следующем разделе). С другой стороны, католическая церковь, желая сохранить монополию на толкование библейского текста и опасаясь возникновения еретических воззрений, начинает выступать против того, чтобы Слово Божие зазвучало бы на «вульгарных наречиях», т. е. живых языках народов, входивших в орбиту ее влияния. Идеологическим обоснованием подобного запрета должна была стать так называемая теория «триязычия», развитая в VII в. епископом *Исидором Севильским*. Согласно ей, священными могут быть признаны три языка: еврейский, греческий и латинский, поскольку именно на них, по приказу Понтия Пилата, сделана надпись на кресте Иисуса Христа. Хотя утвердился такой взгляд не сразу (в частности, к нему отрицательно относился император Карл Великий), однако он был закреплен папскими эдиктами (в XI в. – Григорием VII, в XIII в. – Иннокентием III). Более того, решением одного из церковных синодов, состоявшегося в XIII столетии, всякий, кто, имея у себя перевод Библии, не представит его епископу для сожжения, объявлялся еретиком со всеми вытекающими отсюда последствиями.

«Воду следует брать из источника, а не из болота», – заявил в XII в. английский церковный деятель Уолтер Меп, когда ему был представлен перевод нескольких книг Священного Писания[27]. Его коллега, доминиканец Томас Палмер утверждал, что Слово Божие на английском языке звучало бы как хрюканье свиней или рычание львов. В Германии архиепископ Бертольд Майнцский особым эдиктом запретил в 1485 г. перевод не только церковных, но и светских произведений на немецкий язык, мотивируя это неспособностью последнего достаточно ясно передать содержание латинских оригиналов. А уже в XVI столетии представитель римской курии кардинал Гозий резюмировал позицию католической церкви в следующих словах: «Дозволить народу читать Библию значит давать святыню псам и метать бисер перед свиньями».

Подобная установка неизбежно должна была превратить вопрос о переводе Библии в одну из важнейших религиозно-политических проблем, далеко выходящих за узкофилологические рамки. Именно она во многом создала предпосылки того кризиса, разрешением которого стало потрясшее Западную Европу в XVI в. движение Реформации.

Глава 4

Средневековый перевод и его особенности

1. Содержание термина «средние века»

Понятие «средние века» возникло в эпоху Возрождения для обозначения промежутка времени, отделявшего последнюю от столь высоко почитавшейся ее представителями античности. Традиционно началом указанного периода считали нападение Западной Римской империи (V в.), а концом – гибель Византийской империи и открытие Америки Христофором Колумбом (XV в.). Однако многие историки относили последний рубеж Средневековья к середине XVII в., связывая его с распадом феодальных отношений (такая точка зрения преобладала в советской науке). Впрочем, необходимо учитывать, что даже в рамках западноевропейского мира установление жестких хронологических рамок не всегда возможно, так как для той или иной страны они могут различаться (например, XIV в. для Италии – это раннее Возрождение, тогда как историками английской литературы даже XV столетие рассматривается обычно в рамках литературы средневековой).

2. Языковая ситуация в средневековой Европе

Как уже отмечалось, теоретически для Средневековья было характерно выдвижение на передний план *трех* «священных» языков (древнееврейского, древнегреческого и латинского), противопоставляемых «вульгарным», т. е. живым новоевропейским языкам. Реальная жизнь, однако, внесла в указанную схему существенные коррективы. Древнееврейский язык изначально был чужд подавляющему большинству христианского мира, и его знание в рассматриваемый период (как, впрочем, и позднее) всегда являлось уделом немногих. Число владеющих греческим языком в странах Западной Европы также оставалось на протяжении средних веков (в отличие от античной эпохи) незначительным, чему в немалой степени способствовала отчужденность между католической и православной церквями, завершившаяся в 1054 г. открытым разрывом. Отражением подобного положения вещей стала известная поговорка: «Graecum est, non legitur» («Это по-гречески не читается»). Таким образом, безусловное первенство в иерархии языков безраздельно принадлежало латыни. Само понятие грамотности означало прежде всего знание этой последней, а социально значимым признавалось деление людей на *litterati* (образованных, т. е. владеющих латынью) и *idiotae* – неграмотных, знающих лишь «грубый» родной язык. Причем интернациональный статус латыни влек за собой одну существенно важную особенность: в тех случаях, когда она выступала в качестве переводящего языка (особенно если речь идет о религиозно-богословской и философской литературе), относить перевод к той или иной национальной традиции можно лишь чисто условно, имея в виду разве что национальность переводчика или его географическое местопребывание.

Вместе с тем, наряду с латынью, в тот или иной период достаточно важную роль могли играть и другие языки. Характерен в этом отношении пример старофранцузского, который получил весьма широкое международное распространение не только в Англии (где после норманнского завоевания и вплоть до конца XIV в. он занимал господствующие позиции), но и в других странах. На нем писали Марко Поло и Рустичелло, создавая известную книгу о странствованиях венецианского купца; его использовал флорентийский юрист и дипломат Брунетто Латини при написании энциклопедического труда «Книга сокровищ», считая, что этот язык – «наиболее приятный и наиболее распространенный среди людей». Естественно, что старофранцузский часто выступал и в роли исходного при переводе «художественной литературы» – произведений, где речь шла о воинских подвигах, сражениях, любовных приключениях и т. п.

3. Переводы религиозно-философской литературы

Утверждение христианства в качестве государственной религии всех стран в Европе потребовало создания латинских версий тех трудов, написанных главным образом по-гречески, которые могли бы стать для католической церкви надежным идеологическим фундаментом. С одной стороны, такую роль призваны были сыграть произведения собственно христианских мыслителей, с другой – соответствующим образом отобранные и обработанные памятники, оставленные мыслителями античной эпохи. После Бозция, о котором шла речь в предыдущем разделе, крупнейшим деятелем в этой области стал ирландец по происхождению *Иоанн Скотт Эриугена*, живший в IX в. (ок. 810–877).

В связи с личностью Эриугены представляется целесообразным сказать несколько слов о том вкладе, который внесли в культуру раннего Средневековья уроженцы «острова святых», как называли Ирландию. Несмотря на достаточно неблагоприятные исторические условия (внутренние междоусобицы, нашествия норманнов и т. д.), здесь продолжали сохраняться многие традиции, почти позабытые в VII–VIII вв. в континентальной Европе. В монастырских скрипториях осуществлялась интенсивная переписка сакральной, а отчасти и светской литературы и, кроме того, сохранялось знакомство с греческим языком, позволявшее заниматься переводами на латынь. Многие ученые монахи из Ирландии отправлялись в различные страны европейского континента, в частности, ко двору Карла Великого, где их роль была весьма заметной. Сам Эриугена подвизался при дворе внука последнего, Карла Лысого, который приблизил его к себе и часто беседовал с ним.

Среди переводов Эриугены (сочинения философа-неоплатоника начала VI в. Присциана и труд одного из «отцов церкви», жившего в IV в., – Григория Нисского) особенно выделяются латинская версия «Ареопагитик», первоначально приписывавшихся знатному афиняну Дионисию Ареопагиту, обращенному в христианство апостолом Павлом, а также комментарии к ним Максима Исповедника, жившего в конце VI – первой половине VII в.

И по содержанию, и по форме «Ареопагитики», в которых речь идет о сложнейших религиозно-философских проблемах, необычайно трудны для понимания и тем более воссоздания на другом языке. Попытку осуществить подобное предпринял в 30-х годах IX в. аббат монастыря Сен-Дени под Парижем, но его перевод оказался весьма неудачным и не получил распространения. Сам Эриугена также хорошо понимал стоявшие перед ним трудности, отмечая, что греческий язык лучше подходит для богословских и философских сочинений, поскольку обладает более совершенной и точной терминологией, нежели латинский, на котором соответствующие понятия не всегда могут быть переданы с достаточной точностью. Подчеркивая свое стремление проникнуть в суть оригинала и усвоить содержащуюся в нем мудрость, Эриугена отводит возможные упреки по поводу труднодоступности и неясности перевода, обусловленные слишком буквальным следованием подлиннику, почти дословно повторяя аналогичное замечание Бозция: «Если кто-то сочтет перевод темным и менее понятным, пусть примет во внимание, что я переводчик этого труда, а не истолкователь. По этой причине очень боюсь, что приму на себя вину “верного переводчика”».

Опасения Эриугены, как показали дальнейшие события, были не напрасны. Уже в IX в. относительно сделанного им перевода высказал критические замечания хранитель Ватиканской библиотеки *Анастасий Библиотекарь* – один из немногих западных авторов этой эпохи, который владел греческим языком и был знаком с греческой традицией. Отдавая должное труду своего предшественника – уроженца далекой страны «на краю света», который сумел понять столь трудные творения и воссоздать их на другом языке, – Анастасий тем не менее считал работу ирландца неудовлетворительной. И причиной тому являлся, по его мнению, излишний буквализм, результатом которого стала утрата присущей оригиналам глубины и высоты. Впрочем, сам Анастасий хорошо понимал причину, побудившую Эриугену избрать подобный метод, – страх отступить от собственного значения слов, поскольку это могло привести к искажению смысла. Но хотя ватиканский книжник и предпринял попытку дополнить и откорректировать перевод Эриугены по новым спискам сочинений Псевдо-Дионисия, позднейшие исследователи не преминули отметить, что его собственная практика не всегда соответствовала провозглашаемому им принципам, ибо латинские версии Анастасия изобилуют, с одной стороны, буквализмами и кальками с греческого, а с другой – вольными переложениями, где целые фразы исходного текста оказываются пропущенными.

Однако у перевода Эриугены были и гораздо более влиятельные недруги. Прежде всего следует назвать тогдашнего папу Николая I, весьма недовольного тем, что перевод был выполнен без его санкции. Поскольку значительное количество греческих философских терминов остались у ирландца непереуведенными, он был вынужден представить изъяснение трудных выражений в духе христианской символики. Однако воззрения самого Эриугены оказались неприемлемыми, и его труды неоднократно (в XI и XIII вв.) были осуждены римской курией как еретические.

4. Арабская переводческая традиция и ее влияние на средневековую Европу

К середине XIII в. ранее враждебное отношение католической церкви к философскому наследию Аристотеля (доходившее до запрета на изучение его произведений) сменилось стремлением переосмыслить последнее и приспособить его к христианскому вероучению. Важнейшую роль в решении указанной задачи призвано было сыграть ознакомление западноевропейских ученых с трудами великого античного философа (ведь в предшествующий период Аристотеля знали по переводу Боэция лишь как логику, да и то не полностью). И первоуспенное значение имели здесь контакты с арабоязычной мусульманской традицией.

Посредническую функцию этой последней трудно переоценить. В то время как на «латинском» Западе греческий язык оказывался все более и более забытым, в Арабском халифате, возникшем в результате обширных завоеваний и включавшем в себя множество стран и народов, напротив, культивировались наука и философия античной Греции. Это, в свою очередь, вызвало обильный поток переводов, не ослабевавший в течение IX и большей части X в. Причем в IX в. при халифе аль-Мамуне в столице халифата Багдаде был основан специальный «Дом мудрости», где трудились многие замечательные переводчики и ученые и находилась своего рода публичная библиотека. Таким образом, переводческое дело в арабо-мусульманском мире было поставлено на государственную основу. Следует отметить, что сфера интересов арабских переводчиков была весьма обширной. Помимо работ чисто утилитарно-прикладного характера, они занимались и переводом теоретических трудов по физике, религии и т. д. Появились арабские версии Библии, Евангелия, книг по маздаизму. С санскрита и персидского языков было переведено несколько сочинений по астрономии, арифметике и политике, с греческого – важнейшие исследования по геометрии, медицине и астрономии, среди которых работы Галена, Гиппократ, Эвклида, Архимеда, Птолемея и других авторов. Но наибольшим вниманием и влиянием пользовались философские труды Аристотеля. Его именовали «Первым учителем» и не раз воссоздавали на арабском языке почти все его произведения по физике, метафизике, этике, теологии и логике. Для прояснения же темных и неясных мест в сочинениях великого грека переводились и позднеантичные комментарии к ним. Известно было в арабском мире и философское наследиe Платона и неоплатоников. Об огромном интересе к древнегреческой философии

свидетельствовало появление в XII в. своеобразной (и едва ли не единственной в средние века) истории философии *Шахрастани* – книги «Религиозные секты и философские школы», излагавшей учения античных мыслителей.

При всей враждебности, существовавшей между католическим Западом и мусульманским Востоком, взаимоотношения между ними отнюдь не ограничивались военными столкновениями. Уже с X в. можно говорить о наличии определенных культурных контактов. Здесь в первую очередь следует назвать монаха *Герберта* (ум. в 1003 г.) из аббатства Ориньяк (Овернь, Франция), ставшего впоследствии папой под именем Сильвестра II. Проведя несколько лет в Испании, еще в начале VIII в. завоеванной арабами, Герберт стал едва ли не первым западноевропейским ученым, познакомившимся с арабоязычной наукой и отразившим ее достижения в собственных трудах. Ученик Герберта, выходец из Италии *Фульберт* (ум. в 1028 г.), также усвоил через арабское посредство различные отрасли античного знания и привил этот дух основанной им недалеко от Парижа религиозно-философской Шартрской школе, просуществовавшей до второй половины XII в. На деятельность этой школы оказали большое воздействие выполненные во второй половине XI в. переводы арабских и греческих медицинских сочинений, создателем которых был обосновавшийся в итальянском монастыре Монте Кассин ученый врач Константин Африканец, происходивший из Карфагена. Большое значение имела и переводческая деятельность ученого и путешественника *Аделярда из Баты*, который родился в первой половине XII в. в Англии, учился во Франции, а затем побывал в Италии, Испании, Северной Африке и Малой Азии. Названный автор перевел с арабского знаменитые «Начала» Эвклида и некоторые труды арабоязычных математиков.

Вообще в XII–XIII вв. контакты средневековой Европы с арабо-мусульманской культурой приобрели такой широкий размах, что этот период часто именуют «великой эпохой переводов». Особо следует отметить Испанию, по которой прошла граница между христианским и мусульманским миром. К 1130 г. вокруг просвещенного епископа отвоеванного у мавров города Толедо *Раймунда* (ум. в 1151 г.) сложилась переводческая школа с арабского языка, обладавшая официальным статусом. Виднейшими ее представителями были *Доминик Гундисалви*, обращенный в христианство арабоязычный мудрец *Ибн Дауд* и *Иоанн Севильский*. Переводились в основном философские произведения, а также труды по астрономии, медицине и другим наукам. Заслуживает упоминания и деятельность итальянца по происхождению *Герарда Кремонского* (ум. в 1187 г.), которому приписывалось более ста переводов. Работали переводчики с арабского и в других испанских городах.

В XIII в. к Толедской школе присоединяется еще один центр – в Палермо (Сицилия), при дворе императора Фридриха II Гогенштауфен и его сына Манфреда. В Толедо, а затем в Палермо активно переводил с арабского языка на латынь философ, астролог и алхимик *Михаил (Майкл) Скотт* (1180–1235). Причем переводились как сочинения арабских и еврейских авторов – Аверроэса (Ибн-Рушда), Авиценны (Ибн-Сины), Ибн-Гебиры, Моисея Маймонида, так и арабоязычные версии (и комментарии к ним) античных авторов – Платона, Плотина, Прокла и многих других. Но особую роль сыграли переводы Аристотеля, который превратился в главный авторитет средневековой схоластики.

Между тем арабская переводческая традиция (по которой в основном и знали Аристотеля) имела свою специфику, весьма существенно повлиявшую на понимание творений великого древнегреческого мыслителя. Прежде всего, само учение Аристотеля воспринималось сквозь призму позднейших его комментаторов, а труды последних приписывались непосредственно Первому учителю. Кроме того, многие переводы выполнялись не с греческого, а с сирийского языка, лучше известного на Ближнем Востоке (а интенсивная переводческая деятельность сирийцев уже в первых веках нашей эры принесла им славу «народа переводчиков»). Таким образом, возникала весьма опасная для адекватного понимания текста ситуация, когда, ссылаясь на Аристотеля, тот или иной западноевропейский схоласт на самом деле имел в виду латинский перевод арабского перевода сирийского перевода греческого оригинала со всеми вытекающими отсюда последствиями.

5. Переводы с греческих оригиналов

Неудовлетворительность сложившейся ситуации, когда идеи наиболее почитаемого и авторитетного для средневековых мыслителей автора (не говоря уже об остальных античных писателях) черпались из вторых и даже третьих рук, поставила на повестку дня вопрос о непосредственном обращении к греческим первоисточникам. Хотя попытки такого рода предпринимались и раньше (достаточно назвать упомянутых выше Майкла Скотта и Герарда Кремонского), особое место здесь отводят канцлеру Оксфордского университета, впоследствии ставшему епископом Линкольна *Роберту Гроссетесте* (1175–1253). Зная еврейский, арабский и греческий языки, он одним из первых стал переводить естественно-научные произведения Аристотеля непосредственно с греческого языка, снабжая их собственными комментариями. Еще более важную роль сыграла деятельность *Вильема из Мербеке* (1215–1286). Будучи католическим епископом в Коринфе, Вильем изучил греческий язык и собрал большое количество рукописей Аристотеля. Стремившаяся поставить творения древнегреческого мыслителя на службу католической доктрине и очистить его от арабских напластований римская курия (особенно папа Урбан V) поручила ему перевести их на латынь с оригинала в тесном сотрудничестве с крупнейшим представителем западноевропейской схоластики – *Фомой Аквинским* (1225 или 1226–1274), посмертно удостоенным титула «ангельского доктора». Вильем в процессе перевода основных аристотелевских произведений и их комментирования отработывал латинскую терминологию аристотелизма, существенно облегчив своему соратнику создание его теолого-философской системы.

Говоря о теоретическом обобщении переводов на латынь научно-философской литературы в рассматриваемый период, следует прежде всего упомянуть имя одного из наиболее выдающихся средневековых мыслителей, уроженца Англии *Роджера Бэкона* (ок. 1214 – после 1292), прозванного «удивительным доктором». Предостерегая от ошибок, возникающих при чтении книг в плохих переводах, и жестоко порицая тех, кого он называл *mendicī translatōres* («перевирающими переводчиками»), которые не знают ни науки, ни языков, вследствие чего многие творения Аристотеля искажены ими практически до неузнаваемости, Роджер Бэкон вместе с тем останавливается и на объективных трудностях, возникающих в процессе перевода. Среди них он называет особенности, специфические для каждого языка (и даже для диалектов одного языка), отсутствие соответствующей терминологии в переводящем (латинском) языке, вследствие чего возникает необходимость прибегать к малопонятным и неизбежно искаженным заимствованиям, и другие подобные факторы. «Следовательно, – резюмирует философ, – замечательная работа, созданная на одном языке, не может быть передана на другой с сохранением своего особого качества, которым она обладала в первом. Пусть тот, кто прекрасно знает какую-либо науку, как, например, логику или какой-нибудь другой предмет, постарается передать его на своем родном языке, и он увидит, что ему не хватает не только мыслей, но и слов, так что никто не сможет понять переведенную подобным образом книгу, как это подобает ее значимости». Подчеркивая необходимость для переводчика знать языки и разбираться в предмете, о котором идет речь, Роджер Бэкон не считает вполне удовлетворительной деятельность даже таких авторитетов, как отделенный от него многовековым промежутком *Бозций*, знавший языки, но не обладавший должными познаниями предмета, и упомянутый выше *Роберт Гроссетесте* (бывший вероятным учителем самого Бэкона), который, несомненно, разбирался в предмете, но чья языковая подготовка оставляла, как подразумевалось философом, желать лучшего.

Несмотря на отмеченные сложности, интенсивная деятельность средневековых переводчиков принесла свои плоды. К концу XIII в. западноевропейские схоласты знали античное научно-философское наследие уже лучше, чем арабские ученые предшествующих столетий. Этому способствовали и контакты с Византией, особенно оживившиеся во времена крестовых походов. Далеко не всегда мирные (достаточно вспомнить взятие византийской столицы крестоносцами в 1204 г.), они тем не менее активизировали культурный обмен. Константинополь стал важнейшим

центром, снабжавшим Европу рукописями, а позднее – и представителями греческой учености, сыгравшими огромную роль в подготовке Возрождения.

Как уже отмечалось, рассмотренная традиция перевода научно-философской литературы имела в значительной степени *интернациональный характер*. Однако в средние века, несмотря на целый ряд препятствий, создавались и *национальные* переводческие традиции, где в роли переводящих (а в некоторых случаях и исходных) языков выступали формировавшиеся в тот период новоевропейские литературные языки. Им и будут посвящены последние параграфы данного раздела.

6. Начало английского перевода. Альфред Великий

До V в. н. э. население Британии было кельтским. Несмотря на пятивековую римскую оккупацию (длившуюся с I по V в. н. э.), романизации Британских островов в сколько-нибудь значительной степени не произошло. С V в. начинается миграция в Британию германских племен (англов, саксов и ютов), в значительной степени потеснивших кельтов. Хотя первое проникновение христианства на эту территорию относят ко II в., подлинная христианизация страны датируется концом VI в., когда папа Григорий I отправил в Британию миссию из сорока монахов во главе со знаменитым Августином, ставшим первым архиепископом Кентерберийским и основавшим первый монастырь.

Говоря о начале переводческой (и литературной) деятельности в Англии, упоминают обычно имя монаха *Кэдмона* (VII в.), перелавшего в стихотворной форме на древнеанглийском языке некоторые сюжеты Священного Писания. Несколько позже крупнейший автор той эпохи *Беда Достопочтенный* (672(673)—735), написавший на латинском языке «Церковную историю народа англов» и несколько экзегетических сочинений, предпринял попытку перевести Евангелие от Иоанна, но из-за смерти не успел довести ее до конца (сам перевод не сохранился). В VIII в. были созданы стихотворные пересказы отдельных библейских книг, обработки церковных гимнов, а также вольный перевод латинской поэмы о Фениксе, приписываемый поэту *Куневульф*у. Но подлинный расцвет древнеанглийского перевода относится к концу IX в. и связан с деятельностью короля *Альфреда Великого* (849 – начало 900-х гг.).

К моменту его вступления на престол обстановка в стране была крайне неблагоприятной. Постоянные вторжения датчан привели к упадку и разрушению многих монастырей – центров средневековой культуры. Сильно понизился уровень образованности, отождествлявшейся в ту пору со знанием латыни. По словам Альфреда, к началу его правления трудно было найти человека, способного хотя бы перевести письмо с латинского языка на английский. С другой стороны, король хорошо осознавал, что знание лучше всего распространяется в стране тогда, когда оно изложено на языке людей, ее населяющих. Отсюда возникла программа переводческой деятельности: «Передать на языке, который мы все понимаем, несколько книг, наиболее необходимых всем людям».

Для выполнения этой задачи Альфред собрал вокруг себя ученый кружок, членами которого стали епископ Уэльса Ассер – будущий биограф короля, епископ Вустерский Верфурт, ставший впоследствии архиепископом Кентерберийским, Плеглмунд и другие лица. Альфред также написал письмо во Францию архиепископу Реймскому, в котором сообщал о недостатке образованных людей в собственной стране; в ответ архиепископ прислал ему ученого Гримбоolda.

Вообще можно предположить, что сама идея создания упомянутого выше кружка была в какой-то степени навеяна английскому монарху аналогичным кружком, существовавшим почти столетием раньше при дворе Карла Великого. Однако последний являлся оплотом латинской образованности, тогда как в центре внимания Альфреда находилась просветительски-переводческая деятельность на родном языке.

Поскольку сам король, хотя и был обучен латыни, не получил систематического школьного образования, вопрос о степени личного участия английского монарха в выполненных членами

кружка переводах не может считаться решенным до конца. Однако важнейшая роль Альфреда как вдохновителя и организатора грандиозной работы, не имевшей аналогов в тогдашней Европе, остается бесспорной. Переведены же были следующие произведения:

1) «История против язычников» епископа Орозия, написанная в V в. Автор, вдохновлявшийся некоторыми идеями Августина, создал компилятивный труд, в котором стремился оправдать христианство от обвинений в том, что по его вине пала Римская империя. Книга Орозия пользовалась в средние века большой популярностью и авторитетом, что, вероятно, и определило выбор ее Альфредом в качестве своеобразного учебника истории для соотечественников. В переводе много опущений и изменений; семь книг оригинала были сведены к шести. Кроме того, добавлены сведения о тех странах, в которых распространен «тевтонский» (т. е. германский) язык, и включен рассказ двух путешественников, поведавших Альфреду об увиденном.

2) «Церковная история народа англос» упоминавшегося выше Беды Достопочтенного. Здесь уже свобода по отношению к оригиналу уступает место стремлению как можно точнее передать его содержание, приводящему порой к буквализму.

3) «Об утешении философией» Боэция (VI в.). Этот труд «последний римлянин» написал в темнице в ожидании казни. Книга Боэция пользовалась в средние века огромным уважением, а в ее авторе видели христианского мученика, пострадавшего за веру. Поскольку текст весьма труден для понимания, Альфред, как сообщают источники, вначале попросил одного из своих сподвижников – епископа Ассера объяснить ему оригинал, а уже потом переложил его по-английски. Обращение с подлинником достаточно свободное: изменяется его структура, исключаются многие места, по возможности усиливается христианский колорит. Некоторые намеки и аллюзии, не знакомые современникам Альфреда, заменяются понятными для его соотечественников примерами.

Для стиля Боэция характерно сочетание прозаического и поэтического изложений. Сохранились два варианта перевода, один из которых целиком выполнен прозой, а во втором сделана попытка применить характерный для древнеанглийского аллитеративный стих.

4) «Обязанности пастыря» папы Григория I Великого (VI в.). Этот перевод более тщательно и строго следует за оригиналом, чем все остальные, и хотя в нем также достаточно часто встречаются парафразы, о вольности говорить не приходится. Выбор названного труда, представлявшего собой нечто вроде учебника для духовенства, вероятно, объяснялся не только общим его значением для средневековой культуры, но и особой ролью автора в деле христианизации Англии: именно при нем была послана группа монахов-бенедиктинцев во главе с Августином для организации церковной жизни на юге страны. Поскольку в работе Григория I говорится о том, каков должен быть идеал христианского священника, Альфред считал необходимым распространить ее перевод как можно шире среди английского духовенства и разослал копии последнего всем епископам. В предисловии король говорит о счастливом прошлом Англии, противопоставляя прежнее процветание «в войне и науках» печальному настоящему: прежде иностранцы приезжали сюда искать мудрость, теперь же самим англам из-за упадка образованности приходится в ее поисках отправляться за рубеж. Тем не менее Альфред считает необходимым отметить несомненный прогресс в развитии просвещения, наблюдавшийся за годы его правления. Призывая церковных иерархов отрешиться от мирских дел и отдаться постижению знаний, король высказывает пожелание, чтобы все свободнорожденные молодые люди научились хорошо читать на родном языке, а те, кто изучит латынь, были назначены на более высокие посты.

5) «Диалоги» того же автора (т. е. Григория I), по содержанию представляющие собой беседы папы с другом о жизни и деяниях итальянских святых и чудотворцев. Эта книга стала источником для множества агиографических сочинений Средневековья и также пользовалась большой популярностью, чем и определялся ее выбор.

Альфреду приписываются также переводы отрывков из сочинений Августина «Монологи» и «О видении Бога». Кроме того, его по традиции считают иногда и переводчиком книги Псалмов Давида и даже всей Библии. Однако точных сведений об этих переводах не сохранилось.

О методах, которых придерживались Альфред и его сподвижники при передаче латинских оригиналов, говорится и в оставленных ими предисловиях. Так, в предисловии к «Обязанностям пастыря» сообщается, что английская версия передает подлинник иногда слово в слово, иногда – соответственно смыслу; в предисловии к «Утешению философией» – что король Альфред, будучи переводчиком названного произведения, переводил его порой слово за словом, порой смысл за смыслом столь четко и ясно, сколь был в силах.

Несмотря на огромный объем выполненной под его руководством работы, английский монарх хорошо осознал, что его преемникам предстоит сделать гораздо больше. В предисловии к переводу «Монологов» Августина, где переводчик уподобляется строителю, отправившемуся в большой лес, чтобы заготовить необходимый материал и доставить оттуда все необходимое, говорится: «Но я отнюдь не намеревался привезти из лесу все, даже если бы и мог это сделать. В каждом дереве я увидел что-нибудь полезное; и поэтому я советую любому, имеющему такую возможность и обладающему необходимым числом повозок, направить свой путь в лес, где я заготовил бревна. Пусть он добавит к ним новые, нагрузит ими свои повозки и сотворит то, чего я не совершил, – постройт множество прекрасных домов и воздвигнет прекрасный город, в котором будет весело и приятно жить как зимой, так и летом».

7. Английский перевод X – первой половины XI века. Деятельность Эльфрика

После смерти короля Альфреда переводческая деятельность в Англии продолжалась, хотя и с меньшей интенсивностью. В частности, было переведено Евангелие от Матфея и сделаны глоссы (приписывание соответствующих английских эквивалентов над каждым словом латинского текста) остальных трех Евангелий. Появились и переводы средневековой экзегетической и дидактической литературы.

Наиболее крупной фигурой этого периода считался монах *Эльфрик* (955–1020(25)), ставший впоследствии аббатом монастыря в Оксфорде. Именно с него начинают историю создания английской Библии, поскольку, как отмечалось выше, версия Альфреда (если она действительно существовала) до нас не дошла.

Особый интерес представляют предисловия к переводам, в которых Эльфрик излагал свои принципы передачи латинского текста. Причем обращает на себя внимание характерная деталь: почти все они (за исключением предисловия к библейской «Книге Бытия») написаны по-латыни. Таким образом, если сами переводы предназначались для тех, кого в средние века именовали термином «*idiotae*», то адресатами предисловий являлись в первую очередь ученые «*litterati*», т. е. те самые церковные круги, которые, основываясь на теории «триязычия», вообще выступали против переводов с Библии на местные языки. Вероятно, сам Эльфрик также испытывал сомнения по поводу правомерности своего труда и несколько раз уверял, что не будет много заниматься переводческой деятельностью, дабы «жемчужина Христа», зазвучав на «языке англоv», не оказалась бы попорченной. Даже в упомянутом выше предисловии к «Книге Бытия» можно прочесть заявление о том, что его автор никогда больше не осмелится переводить какую-либо книгу с латыни на родной язык (что, впрочем, не помешало Эльфрику осуществить впоследствии перевод всего Пятикнижия и церковных проповедей, также сопроводив их предисловиями). Говоря о правилах передачи латинского текста, Эльфрик подчеркивал необходимость переводить не слово в слово, а смысл в смысл, допуская разного рода сокращения, пояснения и изменения. С одной стороны, это объясняется необходимостью считаться с аудиторией, для которой перевод предназначен. Эльфрик рекомендует переводчику пользоваться простым стилем и понятными всем словами, поскольку часто оригинал содержит разного рода риторические фигуры и украшения, способные оттолкнуть неискушенного читателя и вызвать у него скуку. С другой стороны, Эльфрик высказывал опасения, как бы какой-нибудь глупец, познакомившись с книгами

Ветхого Завета, не стал бы подражать персонажам последнего во всех деталях, думая, будто можно жить и сейчас так, как жили при патриархах и Моисее. Поэтому, переводя «Книгу Бытия», он счел необходимым прибегнуть к «разумным пропускам» там, где речь шла о многоженстве библейских патриархов. Аналогично, передавая латинские источники, где упоминалась Восточная Римская империя, Эльфрик избегал говорить о правлении двух императоров, чтобы не смущать своих соотечественников, которые подчиняются одному королю и привыкли видеть во главе страны одного монарха, а не двух. Особо подчеркивает Эльфрик наличие в священных книгах высшей духовной сущности, оговаривая, что сам он передает лишь их внешнее содержание.

Большой интерес представляет замечание Эльфрика о необходимости соблюдать нормы переводящего (английского) языка в тех случаях, когда особенности употребления последнего отличаются от латыни, поскольку в противном случае читатель, не знающий латыни, будет введен в заблуждение.

Помимо рассмотренных выше произведений заслуживает внимания и составленная Эльфриком на английском языке латинская грамматика, куда он ввел некоторые части знаменитой грамматики Присциана, относящейся к VI в. В этой книге содержатся и переводческие наблюдения (например, о наличии в каждом языке собственных междометий, трудно поддающихся передаче на другой язык).

Если Альфред и Эльфрик, выбирая тексты для перевода, руководствовались по преимуществу просветительскими и дидактическими соображениями, то в рассматриваемый период появляются уже и переводы таких произведений, которые были предназначены для развлечения читателей. Сюда относятся повесть о приключениях сирийского монаха Малха, примыкающая к житийной литературе, но обладающая многими чертами авантюрного античного романа, «Письмо Александра» и «Чудеса Востока», где рассказывалось о всякого рода фантастических существах и явлениях, а также фрагмент перевода латинской версии греческого романа об Аполлонии Тирском.

Таким образом, к XI в. уже существовала традиция переводов на древнеанглийский язык, игравшая важную роль в формировании английской культуры. Однако в 1066 г. происходит событие, имевшее важнейшие последствия для страны и во многом изменившее ее дальнейшее развитие, – завоевание Англии нормандским герцогом Вильгельмом.

8. Английский перевод после нормандского завоевания

После захвата страны нормандцами, сопровождавшегося истреблением или отстранением от власти подавляющего большинства представителей древнеанглийской знати, сложилась своеобразная языковая ситуация. Французский язык занял господствующее положение, поскольку именно на нем говорили новые хозяева Англии – королевский двор и феодальная аристократия; латынь по-прежнему сохраняла функции языка церкви, науки, школы, юриспруденции и т. п.; наконец, английский (претерпевший в этот период существенные изменения) оставался языком большинства населения страны. Кроме того, представлены были (на территории Уэльса) и кельтские говоры, образующие валлийский язык.

Естественно, что в первые столетия после нормандского завоевания письменность развивалась главным образом на латинском и французском языках. Для истории перевода представляет интерес латинское сочинение епископа северного Уэльса *Гальфрида Монмутского* (ум. в 1154 г.) «История бриттов». Автор (предположительно сам бывший по происхождению валлийцем и знакомый с языком и фольклором этого края) уверяет читателей, что его сочинение представляет собой перевод некой древней книги на языке бриттов (т. е. кельтов), которую он получил от оксфордского архиепископа Уолтера. Скорее всего, перед нами пример переводческой мистификации, а источниками названного произведения наряду с валлийским фольклором были эпические предания о Карле Великом, рассказы об Александре Македонском и т. д., к которым Гальфрид добавил многое от себя. Именно в «Истории бриттов» впервые было дано подробное изложение истории о короле Артуре (превращенного в могущественного владетеля не только всей

Британии, но и большей части Европы), повести о короле Лире и других сюжетов, получивших впоследствии широкую популярность. Причем Гальфрид подчеркивает, что если оригинал полон «сладкозвучных слов», то перевод выполнен простым «деревенским слогом» (хотя и по-латыни!). Псевдоперевод Гальфрида послужил источником, с одной стороны, для многочисленных валлийских переработок, относящихся к концу XII – началу XIII в., а с другой – для французской версии *Жоффрея Гаймара*. Опираясь на своих предшественников, нормандский поэт Вас (ум. после 1174 г.) создал свое произведение «Деяния бриттов» («Брут»), дополнив его некоторыми мотивами бретонского фольклора (именно отсюда заимствован круглый стол). В свою очередь, поэма Васа легла в основу сочиненной уже на английском языке версии «Брута» священника *Лаймона* (около 1205 г.), представлявшей своеобразную стихотворную историю Британии. К XIII в. относятся и другие переделки французских рыцарских романов, способствовавшие развитию оригинальной литературы.

9. Английский перевод XIV–XV веков

Уже к середине XIII в. стали наблюдаться признаки усиления роли английского языка и постепенного вытеснения французского. В 1258 г. король Генрих III впервые обратился к населению с воззванием, написанным по-английски. Указанная тенденция особенно усилилась столетие спустя. В 1362 г. на английский язык было переведено столичное судопроизводство и он впервые зазвучал в стенах парламента. Примерно к этому же времени относится утверждение английского в качестве языка школьного преподавания. К концу XIV в. господству французского наступает конец, хотя отдельные пережитки последнего сохранялись еще долгое время. «Английский язык, – отмечалось в специальной литературе, – был принят в качестве языка устного общения, но ему предстояло еще завоевать признание как наилучшему средству для создания письменных трудов. Французский и латынь все еще рассматривались как наиболее подходящие языки для литературного выражения; таким образом, XIV и XV века стали свидетелями огромной популярности переводческой деятельности. Подобным способом англичане рассчитывали передать английскому переводу часть того престижа, которым обладал язык оригинала».

Разумеется, переводами подобного рода сочинения можно называть лишь условно. Скорее речь должна идти об освоении иноязычной литературы и усвоении художественных приемов, использовавшихся затем при создании оригинальных произведений.

XIV век ознаменовался также важными событиями в сфере библейского перевода. В середине столетия появляется Псалтирь, создателем которой был *Ричард Ролл* из Хэмполла (графство Йоркшир). На разных диалектах были сделаны глоссы и переводы отдельных частей Священного Писания. Однако центральное место здесь принадлежит первому полному воссозданию Библии на английском языке, связанному с деятельностью *Джона Уиклифа* (1320–1384) – одного из крупнейших религиозных мыслителей своего времени, осмелившегося бросить открытый вызов церковной иерархии и насаждавшей ею уже не одно столетие пресловутой теории «триязычия».

Ссылаясь на то, что Христос и его апостолы проповедовали на том языке, который был лучше знаком народу, Уиклиф считал, что Библия должна быть главным источником веры и каждый человек вправе толковать ее по своему разумению. Это убеждение подвигло его собрать вокруг себя группу единомышленников и осуществить передачу Священного Писания на родной язык (причем степень личного участия Уиклифа в осуществлении указанного замысла остается неизвестной). Источником служила латинская Вульгата. Работа продолжалась с 1380 по 1384 г.

Поскольку первый вариант получился тяжеловесным, а в некоторых местах – из-за боязни переводчиков отступить от буквального следования подлиннику – просто малопонятным, возникла необходимость в серьезной переработке английского текста, осуществленной сподвижником и секретарем Уиклифа *Джоном Перви*. В предваряющем книгу прологе Перви подчеркивает необходимость руководствоваться не только словами, но и смыслом оригинала, дабы последний был столь же ясен, или даже еще яснее, по-английски, как и по-латыни, и не

слишком отклонялся бы от буквы (хотя полностью реализовать свой замысел переводчику не удалось).

Разумеется, католическая иерархия, исповедовавшая, подобно своим собратьям на континенте, принцип «*Lingua anglorum non est lingua angelorum*» («Язык англов – это не язык ангелов»), встретила появление Библии на «вульгарном наречии» резко враждебно. Показателен отзыв ее главы архиепископа Кентерберийского: «Этот негодный и подлый человек, проклятой памяти Джон Уиклиф, отродье древнего змея, истый вестник и исчадь антихриста, дабы наполнить меру своего злодеяния, замыслил новый перевод Священного Писания на родной язык».

Однако несмотря на все проклятья и преследования, труд Уиклифа и его сподвижников стал значительным явлением духовной жизни Англии и оказал большое влияние на ее дальнейшее развитие.

Говоря о переводческой традиции XIV столетия, упоминают обычно и имя крупнейшего средневекового автора *Джеффри Чосера* (1340–1400), автора прославленных «Кентерберийских рассказов». Перу Чосера принадлежат переводы-переработки с французского, латинского и итальянского языков (включая некоторые произведения Боккаччо, с которым английский поэт был лично знаком, а также знаменитого сочинения Боэция «Об утешении философией»).

В XV столетии выделялась переводческая деятельность *Джона Лидгейта* (1370?–1451?), чьи сочинения, как это имело место и у Чосера, представляли собой своеобразный синтез иноязычных (латинских и французских) источников и оригинального творчества. В начале века появился (спустя несколько десятилетий после версии Чосера) новый перевод книги Боэция, выполненный *Джоном Уолтоном*. Переводами занимался и английский первопечатник Уильям Кэкстон (1422?–1491?), чей метод передачи иноязычного оригинала не всегда был свободен от буквализма (хотя в предисловиях и послесловиях он не скрывал собственных сомнений относительно результатов своего труда). Щедрого покровителя нашли переводчики античных классиков в лице *Джона Гиптрофа*, графа Уорчестерского (1420–1470), который и сам переводил Цицерона и Цезаря.

Таким образом, можно констатировать, что к рубежу, отделяющему Средневековье от эпохи Возрождения, в Англии сложилась богатая переводческая традиция, прошедшая в своем развитии большой и сложный путь.

10. Средневековый перевод в Германии

Первые письменные памятники древненемецкого языка относятся к VIII в. и представляют собой переводы католических молитв. К концу VIII – началу IX в. осуществляются переводы Евангелия от Матфея (от которого сохранились лишь отдельные фрагменты), одной из проповедей Августина и трактата уже упоминавшегося епископа Исидора Севильского «О христианской вере против язычников». Говоря о последнем, исследователи отмечают, что, несмотря на сложность содержания и стиля, переводчику удалось прекрасно справиться со своей задачей и проявить удивительное умение пользоваться для передачи латинского подлинника средствами родного языка. Позднее была создана немецкая версия «Евангельской гармонии» Татиана (II в.), также переведенная с латыни (оригинал был написан автором – вероятно, сирийцем по происхождению – на греческом языке). В ней преобладает принцип буквальной передачи, доходившей даже до сохранения порядка слов.

На рубеже X–XI вв. разворачивается деятельность монаха Санкт-Галленского монастыря *Ноткера Губастого*, называемого также *Ноткером Немецким* (950–1022). Будучи преподавателем монастырской школы и зная по опыту, с какими трудностями связано обучение на незнакомой ученикам латыни, он писал своему епископу: «Так как я хотел, чтобы наши ученики имели доступ к ним (т. е. к церковным книгам и справочным материалам на латинском языке, подготовляющим к чтению книг), я решился на нечто, до сих пор неслыханное, а именно я попытался перевести латинские произведения на немецкий язык... Я знаю, что сначала Вас это ужаснет, как нечто непривычное. Но постепенно эти переводы, вероятно, покажутся Вам вполне приемлемыми, и вы

скоро будете в состоянии их читать и поймете, что на родном языке обычно постигают то, что на чужом либо не понимают совсем, либо понимают лишь частично».

Наряду с подобного рода церковно-педагогической литературой Ноткер переводил с латыни и философско-теологические труды Аристотеля, Марциана Капеллы, Бозция, а также псалмы Давида, «Буколики» Вергилия и т. д., снабжая свои переводы комментариями. При этом ему пришлось приложить немало усилий для создания соответствующих терминов и передачи понятий, отсутствовавших в немецком (тем более что, например, переводы Аристотеля являлись вообще первой попыткой передать идеи великого греческого мыслителя на народном языке). В соответствии с целью своей работы Ноткер ориентировался на не знающих латыни «профанов» и старался, чтобы текст был понятен читателю.

В XII–XIII вв. интенсивно осваивается французский рыцарский роман. Появляются переделки «Песни о Роланде», «Романа о Трое», «Ивейна» и целого ряда других произведений. Особого упоминания заслуживает «Парцифаль», принадлежащий перу крупнейшего автора рассматриваемой эпохи *Вольфрама фон Эшенбаха* (1170–1220). Следуя в основном своему источнику – «Книге о Персевале» Кретьена де Труа, создатель немецкой версии в ряде моментов отклоняется от последнего, причем для объяснения причин расхождения с оригиналом прибегает к переводческой мистификации, ссылаясь на некий первоисточник, написанный по-арабски и хранящийся в Толедо, о котором сам он узнал от человека по имени Киот (и от которого якобы позволил себе отойти сам Кретьен):

Немало стоило труда
Рассказ Кретьена де Труа
Здесь выправить с таким расчетом,
Чтоб то, что было нам Киотом
Поведано, восстановить
И эту быль восстановить...
В повествовании своем
Я, разбираясь мало-мальски,
Что сказано по-провансальски,
Вам по-немецки изложил,
Но неизменно дорожил
Киотовой первоосновой,
Страшась рассказ придумать новый.

(Пер. Л. Гинзбурга)

В XIV–XV столетиях наблюдается дальнейшее развитие переводной литературы. Особо следует отметить анонимный перевод Библии, напечатанный в 1465 (1466) г. в Страсбурге.

Хотя источником служила Вульгата Иеронима, а язык отличался тяжеловесностью и изобиловал кальками с латыни, появление Священного Писания на немецком языке стало своеобразным предвестником грядущей Реформации. Переводились также религиозные сочинения (научные в средневековом понимании) и художественные тексты, включая и некоторые произведения античных авторов, расцвет переводов которых, однако, произошел уже позднее – в эпоху Возрождения.

11. Переводческая деятельность в других странах Европы

Во Франции в XII–XIII вв. преобладали переводы античных авторов. Среди них выделяется «Роман о Трое» придворного поэта *Бенуа де Сент-Мора*, созданный на основе позднеантичных переводческих мистификаций – «Дневника Троянской войны» и «Истории падения Трои». Сицилийский поэт *Гвидо делье Колонне (де Колумна)* переложил текст последнего латинской прозой, с которой, в свою очередь, были сделаны в дальнейшем переводы на романские,

германские и славянские языки. Переводились также произведения философского и утилитарно-прикладного содержания (сочинение Боэция, трактат Вегеция по военному искусству и т. д.). К XIV в. работа по передаче античного наследия усилилась; появились также переводы произведений Петрарки и Боккаччо. К этой эпохе относится деятельность епископа *Николая Оресма* (1320? —1378), который по поручению короля Карла V Мудрого перевел с латинского языка труды Аристотеля, снабдив французский текст глоссами и комментариями и способствовал тем самым обогащению научно-технической терминологии. Не меньшее значение имела деятельность *Рауля де Преля*, с именем которого связан перевод сочинения Августина «О граде Божьем» и создание французской версии Священного Писания. В предисловии к первому из них переводчик указывает на трудность стоявшей перед ним задачи (из-за чего в тексте возможно множество ошибок, за которые он просит прощения у читателей), а также обосновывает необходимость отхода от буквального следования оригиналу, без чего нельзя достичь необходимой ясности и понятности содержания. В посвящении к переводу Библии (сам текст последнего до нас не дошел) де Прель также отмечает, что ему приходилось убирать и сокращать некоторые длинноты и повторы и вводить разъяснения труднодоступных мест. Такое не совсем обычное отношение к сакральному тексту часто объясняют тем, что перевод предназначался непосредственно для короля, желавшего самостоятельно разобраться в содержании Священного Писания.

Весьма большой интенсивностью отличалась переводческая деятельность в средневековой Испании. Здесь особо важную роль сыграл король Альфонсо X (1226?–1284), внесший большой вклад в развитие испанской культуры.

В XII–XIII вв. развивается переводная литература в Италии. Среди крупнейших деятелей этой эпохи называют имя *Брунетто Латини* (около 1220–1294), воссоздавшего на родном языке произведения Цицерона, Саллюстия, Тита Ливия и его современника *Боно Джамбони*, переводившего Орозия, Вегеция и других авторов.

По проблемам перевода высказывался и величайший итальянский поэт, стоявший на рубеже Средневековья и Нового времени, создатель «Божественной комедии» *Данте Алигьери* (1265–1321), с именем которого принято связывать зарождение переводческого скептицизма. В отличие от своего старшего современника Роджера Бэкона, указывавшего на сложности при передаче научной литературы и связывавшего их с понятийно-терминологической стороной языка, Данте обращает внимание в первую очередь на эстетические моменты, проявляющиеся при переводе художественного (точнее, поэтического) текста. «Пусть каждый знает, – писал он в трактате «Пир», – что ни одно произведение, связанное и подчиненное законам ритма, не может быть переложено со своего языка на другой без нарушений всей его сладости и гармонии. В этом причина, почему Гомер не переводился с греческого на латинский, подобно другим сочинениям, дошедшим до нас от греков. И такова причина, почему стихи Псалтыри лишены сладости музыки и гармонии; ибо они были переведены с еврейского на греческий, а с греческого на латинский, и уже в первом переводе вся сладость исчезла».

Возвращаясь к той роли, которую сыграла для развития итальянской культуры XIII в. переводческая деятельность, обращают внимание на вклад, внесенный ею в развитие литературного языка и выработку его норм. Вольгаре («народный» язык, противопоставляемый «ученой» латыни) постепенно расширил сферу своего функционирования, и его права горячо отстаивал в своем трактате «О народном красноречии» (написанном, правда, по-латыни) сам Данте Алигьери. Однако последующее XIV столетие вносит в сложившуюся ситуацию существенные коррективы, связанные с наступлением новой исторической эпохи – Возрождения, родиной которого по праву считается именно Италия.

Глава 5

Эпоха Возрождения и развитие перевода

1. Понятие эпохи Возрождения и ее отличительные черты

Зарождение и начало эпохи Возрождения (Ренессанса), как уже отмечалось выше, связано прежде всего с культурной жизнью Италии второй половины XIV – начала XV в. Именно здесь – сначала во Флоренции, а потом в других городах – расцвели гуманитарные науки, усилился интерес к математике и естествознанию, появилось изобразительное искусство, стремившееся к изучению человека и природы, и возникло гуманистическое движение, ставшее идеологической основой всего ренессансного мировоззрения. Главным содержанием гуманизма был своеобразный культ человека, поставленного в центр вселенной, интерес к его личности, признание творческого гения последней и присущих ей гигантских сил. В противоположность средневековому мирозерцанию Возрождение несло с собой торжество светского начала; целью земного бытия объявлялись радость и наслаждение, провозглашалась возможность гармоничного сосуществования человека и окружающего мира. Идеалом эпохи стала всесторонне развитая гармоничная личность.

В конце XV – первой трети XVI в. гуманистическое движение распространялось на большинство государств Западной и Центральной Европы. Однако с конца 30-х годов XVI столетия «республика ученых», как называли содружество гуманистов различных стран, очутилась перед лицом серьезного кризиса. В результате Реформации и Контрреформации многие исповедовавшиеся ими идеалы оказались иллюзорными и постепенно угасали. Однако традиции, заложенные гуманистами, видоизменяясь и трансформируясь, продолжали существовать, в значительной степени определив все дальнейшее развитие европейской культуры.

В борьбе со средневековой схоластикой гуманисты стремились опереться прежде всего на наследие античной эпохи, «возродить» его, очистив от позднейших наслоений (откуда и само название рассматриваемого периода). Эта «переключка» с античной традицией ярко проявилась и в области перевода.

2. Языковая ситуация в эпоху Возрождения

Говоря о языковой ситуации в эпоху Возрождения, обращают внимание на две тенденции. С одной стороны, именно в ренессансной Европе приобрел особую интенсивность процесс формирования и развития новых (т. е. живых) литературных языков, которые в конце концов вытеснили латынь из тех сфер, где она господствовала в течение многих столетий. С другой стороны, одной из наиболее характерных черт гуманистического движения являлось стремление возродить классическую латынь Цицерона и Цезаря, которую его представители противопоставляли «испорченной» «кухонной» латыни средневековых авторов. Это привело (особенно на первых порах) к некоторому отступлению народных языков с той позиции, которую им удалось занять в предшествующий период. Указанный момент ярко отразился на родине Возрождения – в Италии, сказавшись на творчестве знаменитого поэта *Франческо Петрарки* (1304–1374), которого именуют «первым гуманистом». Хотя он никогда не переставал писать на народном языке (произведения на котором и принесли ему впоследствии мировую славу), однако со второй трети XIV в. он стал отдавать решительное предпочтение латыни перед родным языком и считать именно его основным орудием новой науки и культуры. Аналогичное отношение характеризовало и его продолжателей, вследствие чего на какое-то время вольгате снова оказался в тени. Схожая картина наблюдалась и в творчестве гуманистов последующих поколений, многие из которых (например, Эразм Роттердамский, прозванный главой «республики ученых») вообще не пользовались в литературном творчестве никаким другим языком.

Наконец, выполнение задач, стоявших перед деятелями ренессансной культуры, было немыслимо без возрождения на «латинском Западе» достаточно широкого знания греческого языка, почти забытого в предыдущую эпоху. Неудивительно, что в этот период получает широкую популярность тезис: «Без греческого языка нельзя знать латинского». Таким образом, сложилась культурно-лингвистическая ситуация, которая отчасти напоминала древнеримскую. В обоих случаях латынь была главным (родным – у римлян, квазиродным – у гуманистов) языком, обычно выступавшим в роли переводящего, тогда как греческий (знание которого и в античном Риме, и в ренессансной Европе считалось обязательным для каждого образованного человека) – вторым языком, выполнявшим обычно функцию исходного. Этот своеобразный латино-греческий

«культурный билингвизм» и определил во многом развитие перевода в рассматриваемую эпоху, хотя, разумеется, несмотря на отмеченные выше сложности, на языковую ситуацию в каждой из европейских стран оказывал влияние и третий компонент – народный язык, степень использования которого в литературном творчестве – как оригинальном, так и переводном – могла быть различной.

3. Начало ренессансной традиции греко-латинских переводов

Уже «первый гуманист» Франческо Петрарка понимал необходимость усвоения греческого языка и перевода созданных на нем классических творений для развития новой культуры. Его ученик и последователь *Колюччо Саллютати* (1331–1406), бывший канцлером Флорентийской республики и воспитавший блестящую плеяду гуманистов, «князь философов нашего века», как именовали его почитатели, в письме к одному из своих друзей побуждал последнего заняться пересмотром неуклюжего и сокращенного латинского пересказа «Илиады», по которому знакомились с творчеством Гомера в средневековой Европе. Настаивая на необходимости принимать во внимание содержание, а не слова, Саллютати вместе с тем призывает адресата украсить само содержание сиянием и присущих оригиналу, и новых слов, добавив к ним такой блеск, чтобы были переданы не только сюжет и образ мыслей Гомера, но и его слова и звуки. Огромную роль в становлении и развитии ренессансной традиции греко-латинских переводов сыграли византийские эмигранты. По мере того как над Византийской империей нависала турецкая угроза, завершившаяся в 1453 г. падением Константинополя и гибелью тысячелетней монархии, все больше представителей греческой образованности оседало в Западной Европе, прежде всего в Италии. В 1360 г. во Флоренции была создана первая кафедра древнегреческого языка, которую возглавил византиец *Леонтий Пилат*. Именно через его переводы познакомились с творчеством Гомера и Платона Петрарка и Боккаччо. Но поворотным пунктом в развитии греко-латинских переводов стало прибытие в 1397 г. во Флоренцию *Мануила Хрисолора* (ум. в 1415 г.). Не будучи оригинальным ученым, он воспитал целое поколение гуманистов, о которых говорили, что они, подобно героям Гомера, неожиданно вышли из троянского коня и совершили культурный переворот. Написанная им грамматика древнегреческого языка получила небывалую популярность, а благодаря его переводам достоянием «латинского Запада» стал ряд произведений античной классики. Особо важное значение имел перевод «Республики» Платона, который впервые ввел это сочинение в западный обиход.

Характеризуя метод работы византийского эрудита, один из его учеников отмечал, что «божественный Хрисолор» старался при передаче иноязычного текста избегать крайностей. С одной стороны, он считал, что буквальное воспроизведение слово в слово может привести только к искажению мысли, содержащейся в греческом подлиннике. С другой же стороны, передавая последнюю, нельзя допускать утерю своеобразия, присущего греческому языку. В противном случае переводчик рискует изменить своей основной задаче для роли толкователя-экзегета, который в меньшей степени связан с риторической целостностью оригинала.

Традицию, заложенную Мануилом Хрисолором, подхватили другие его соотечественники, подвизавшиеся в различных научных и культурных центрах Европы. Для истории перевода особенно важной оказалась относящаяся к XV столетию деятельность *Виссариона Никейского*, собравшего вокруг себя многих итальянских гуманистов. Среди переводов Виссариона – сочинения Аристотеля, Феофраста, Ксенофонта, Демосфена и др. Благодарные ученики почтили его память характерной эпитафией: «Твоими трудами Греция переселилась в Рим».

4. Развитие гуманистического перевода

Начиная с XV столетия удельный вес греко-латинских переводов в системе общей культуры заметно повышается.

Прежде всего это сказывается в творчестве итальянских гуманистов. Так, *Леонардо Бруни* (1370/74—1444), многие годы бывший канцлером Флорентийской республики и внесший значительный вклад в развитие ренессансной культуры, переводил на латинский язык Аристотеля, Платона, Плутарха, Демосфена, Эсхила. В деятельности выдающегося филолога, доказавшего подложность так называемой «Дарственной грамоты Константина», ссылками на которую папы несколько веков обосновывали свои притязания на светскую власть, *Лоренцо Валлы* (1405/1407—1457) выделяется перевод греческих историков Фукидида и Геродота. Поэт и ученый *Анджело Амброзини (Полициано)* (1454—1494), также уделявший много внимания филологической критике античных авторов, создал латинскую версию гомеровской «Илиады» и перевел ряд произведений греческих прозаиков.

Не менее блестящие имена представляют ренессансную традицию греко-латинских переводов и за пределами Италии. Литературное наследие крупнейшего английского гуманиста, создателя знаменитой «Утопии» *Томаса Мора* (1478—1535) включает воссоздание на латинском языке поэтов так называемой греческой антологии, составленной в XIV в. византийским монахом Максимом Планудом, и перевод диалогов Лукиана; прославленный творец «Похвалы глупости» *Эразм Роттердамский* (1469—1536) также перевел некоторые диалоги Лукиана, трагедии Еврипида, сочинения Галена. Этот список легко продолжить.

Обращает на себя внимание одно чрезвычайно важное обстоятельство. Многие из произведений античных авторов, переводившиеся гуманистами, не только уже были переведены в предыдущую эпоху, но и – как, например, творения Аристотеля – считались в глазах представителей средневековой схоластики высшим авторитетом. Но, пожалуй, именно в подобных случаях особенно наглядно ощущается справедливость английского изречения: «Duo cum faciunt idem, non est idem» («Когда двое делают одно и то же, это не одно и то же»).

Прежде всего вспомним, что подавляющее большинство средневековых латинских версий произведений античных мыслителей носило, если можно так выразиться, косвенный характер, т. е. выполнялись они не с оригиналов, а с переводов же (в первую очередь арабских). Естественно, никакой адекватности, хотя бы в плане содержания, не говоря уже о присущей оригиналу форме выражения и особенностях стиля, речи быть не могло. Для деятелей эпохи Возрождения, чьим девизом стал известный лозунг «Ad fontes» («К источникам»), отказ от подобного метода передачи классического наследия представлялся первым шагом, знаменовавшим разрыв со схоластикой. Этот аспект переводческой деятельности ренессансных авторов отчетливо сформулировал упомянутый выше Леонардо Бруни: «Ибо когда я увидел, что книги Аристотеля, написанные на греческом языке изящнейшим стилем, по вине плохого переводчика доведены до смешной нелепости, и что, помимо этого, в самих вещах, и притом в высшей степени важных, много ошибочного, я взял на себя труд перевести их заново».

Таким образом, гуманисты стремились не только к замене старых переводов новыми, более удачными, но и поставили перед собой задачу очистить античных авторов от позднейших «варварских» наслоений, противопоставив средневековому «Аристотелю с тонзурой» подлинного Аристотеля, переставшего быть схоластом и возвращенного в лоно классической культурной традиции. Такое возвращение влекло за собой и возрастание интереса к другим представителям последней, подразумевающее отказ от однобокого (и к тому же извращенного) аристотелизма. «Спросите их, на чей авторитет опираются они, обучая своей пресловутой мудрости, – писал Бруни, имея в виду схоластов, – они ответят: «Философа», и говоря так, подразумевают Аристотеля... Так сказал Философ, говорят они, и противоречить им нельзя, потому что у них «Сам сказал» (Ipse dixit) как будто бы он был единственный философ и суждения его так бесспорны, как если бы сам Пифийский Аполлон изрек их в своем священном храме»[1].

Естественно, что в этой связи внимание деятелей Возрождения должен был привлечь другой крупнейший мыслитель античной эпохи – Платон. Возрастание интереса к нему также было связано с деятельностью византийца – философа-неоплатоника *Георгия Гемиста Плифона* (ок. 1360–1452). Во время пребывания во Флоренции в 1438–1439 гг. Плифон активно

пропагандировал наследие Платона, дав мощный стимул распространению платонизма и образованию так называемых платоновских академий. Для истории перевода особую важность имела деятельность стоявшего во главе Флорентийской платоновской академии *Марсилио Фичино* (1433–1499), которого Никколо Макиавелли назвал «вторым отцом платоновской философии». Хотя платоновская традиция существовала и в средние века, но это, по существу, был платонизм без самого Платона: ведь в латинских переводах были известны лишь несколько его диалогов, к тому же имевших не слишком широкое распространение. Гуманисты же еще устами Петрарки провозгласили Платона знаменем борьбы со средневековой схоластикой. В первые десятилетия XV в. неоднократно переводились многие произведения древнегреческого мыслителя. Но именно Фичино, посвятивший несколько десятилетий переводческой и комментаторской деятельности, сделал достоянием западного мира полный корпус творений самого Платона и памятников античного платонизма. Прежде всего Фичино воссоздал по-латыни трактаты так называемого «герметического свода» – сочинений, традиционно приписывавшихся мистическому Гермесу Трисмегисту («Трижды великому»), а в действительности представлявших собой сборник произведений II–III вв. н. э., продолжавших платоновско-пифагорийскую традицию. В 60-х годах XV столетия Фичино завершил перевод диалогов Платона; позднее им были переведены сочинения неоплатоников – Плотина, Ямвлиха, Порфирия, Прокла, орфические гимны.

Кроме того, Фичино обращался и к христианской неоплатонической традиции. Он вновь (после средневековых версий Иоанна Скотта Эриугены и Анастасия Библиотекаря) перевел на латинский язык труды Псевдо-Дионисия Ареопагита и один из трактатов византийского философа XII в. Михаила Пселла. Таким образом было положено начало новому этапу в освоении европейской философией наследия Платона и его продолжателей, что оказало огромное влияние на дальнейшее развитие ренессансной культуры.

Естественно, что подобный расцвет греко-латинских переводов в эпоху Возрождения должен был повлечь за собой и стремление теоретически осмыслить стоявшие перед переводчиками проблемы. И здесь – как это наблюдалось во всех остальных областях духовной деятельности – взоры ренессансных авторов должны были обратиться к наследию, оставленному античной (древнеримской) традицией. Влияние последнего особенно ярко наблюдается в таких высказываниях гуманистов, которые затрагивают, если можно так выразиться, учебно-педагогический аспект перевода (имеется в виду роль, которую играет последний для выработки собственного «изящного стиля», т. е. как подготовительный этап к оригинальному творчеству. Здесь можно обнаружить почти дословные совпадения с суждениями римских авторов. Показателен в этом плане относящийся к середине XV в. трактат ученика Мануила Хрисолора – *Баттисты Гверино*, носящий характерное название «*De modo docendi et discendi*» («О способе учить и учиться»), где почти целиком воспроизводится рассуждение Плиния Младшего о пользе переводов с греческого языка на латинский либо с латинского на греческий: «Путем такого рода упражнений наилегчайшим образом сравниваются свойства языков и блеск их слов... Ибо многое, что легко ускользает от читателя, никоим образом не может быть пропущено переводчиком».

А относящееся к более позднему времени высказывание еще одного выдающегося гуманиста – Эразма Роттердамского – заставляет уже вспомнить другого деятеля римской культуры – Квинтилиана: «Переводя греческих авторов, мы в немалой степени приумножаем изобилие нашей речи, ибо этот язык весьма богат мыслями и словами... Но еще полезнее состязаться с ними (греческими авторами. – *Л.Н., Г.Х.*), составляя парафразы. Очень полезно передавать прозой стихи поэтов и наоборот – свободную речь заключать в стихотворную форму, а также переливать одно и то же содержание в разные стихотворные размеры. Весьма помогает и попытка передать место, которое представляется наиболее стилистически насыщенным, и попытаться либо сравняться с автором, с которым мы соревнуемся, либо даже превзойти его».

С другой стороны, в эпоху Возрождения начинают создаваться и специальные труды, посвященные теоретическим проблемам перевода, которые будут рассмотрены несколько ниже.

5. Народные языки как объект перевода

Как уже говорилось, латынь оставалась для представителей европейского гуманизма в течение длительного времени универсальным орудием создания новой культуры и даже несколько потеснила на родине Возрождения – в Италии народный язык с того места, которое он занял в XIII в. В интересующей нас сфере это сказалось не только на отмеченном выше расцвете греко-латинских переводов, но и на качестве многих переводов на итальянский в тех случаях, когда в роли исходного языка выступали латынь или греческий. Так, сопоставляя версию Брунетто Латини с теми переводами Цицерона, которые выполнялись в XV столетии, исследователи отмечали, что, хотя последние более точны и ближе к оригиналу, в художественном отношении переводная проза Латини стоит гораздо выше, а ее создатель гораздо сильнее своих потомков ощущает стихию родного языка. Связан такой кажущийся парадокс в первую очередь со стремлением гуманистов максимально «латинизировать» текст, придав ему хотя бы часть «благородства», присущего языку подлинника. С другой стороны, в эпоху Возрождения достаточно широкое распространение получают переводы итальянских художественных текстов на латынь с целью своеобразного повышения престижа последних. Так обстояло дело, например, с «Декамероном» Боккаччо, отдельные новеллы которого воссоздавали на языке Цицерона, Петрарки, Антонио Лоски, Леонардо Бруни, Бартоломео Фацио. Наблюдался и обратный процесс – переводы на вольгаре образцов новолатинской литературы.

Наряду с оригинальным творчеством обширная переводческая деятельность сыграла важную роль в процессе нормализации итальянского языка и повышения его статуса. В XVI столетии с новой силой разгорелись споры о равноправии родной речи с латынью. Восхвалялись богатство и красота вольгаре, доказывалась возможность использовать его во всех сферах. И хотя о полном выходе латыни из употребления говорить еще не приходилось, основным коммуникативным средством стал народный язык.

Своеобразная ситуация в интересующей нас области складывалась во Франции. Со второй половины XIV в. здесь начинают проявляться тенденции, получившие развитие в следующем столетии, которые позволяют говорить об эпохе Предвозрождения. Огромную роль в их стимулировании сыграла оживленная переводческая деятельность, особенно поощрявшаяся при дворе короля *Карла V Мудрого* (годы правления 1364–1380). Французское высшее общество во главе с самим монархом, разбогатевшие горожане и просто любознательные читатели, не знавшие или плохо знавшие латынь, ощутили острую нужду в переводах. Этот процесс продолжался и в XV в., к концу которого, во многом благодаря интенсивным связям с Италией, во Франции утверждается ренессансная культура. Следующее XVI столетие, по праву считающееся эпохой ее расцвета, с новой силой возбудило интерес к переводам (в первую очередь – произведений античной классики) и превратило занятие ими в своеобразную литературную моду, пользовавшуюся активной поддержкой королевского двора. Уже к концу века на французский язык были переведены практически все известные в то время тексты древнегреческих авторов. Некоторые из них, например «История» Фукидида в переводе Клода де Сейсселя, получили большую популярность. Но подлинную эпоху в культурной жизни французского общества составила переводческая деятельность *Жака Амио* (1513–1593). Когда в 1559 г. вышла в свет созданная им версия «Жизнеописаний знаменитых греков и римлян» Плутарха, она вызвала резонанс, далеко выходящий за узкофилологические рамки. В течение нескольких десятилетий труд Амио находился в центре внимания всей образованной публики, а один из крупнейших авторов рассматриваемого периода *Мишель Монтень* (1533–1592) счел необходимым специально отметить его в своих знаменитых «Опытах», где сказано: «Среди всех французских писателей я отдаю пальму первенства – как мне кажется, с полным основанием – Жаку Амио, и не только по причине непосредственности и чистоты его языка – в чем он превосходит всех прочих авторов, – или упорства в столь длительном труде, или глубоких познаний, помогающих ему передать так удачно мысль и стиль трудного и сложного автора (ибо меня можно уверить в чем угодно, поскольку я ничего не смыслю в греческом, но я вижу, что на протяжении всего его перевода смысл Плутарха передан так превосходно и последовательно, что либо он настолько вложил в мысли Плутарха, сумел настолько отчетливо усвоить себе его общее умонастроение, что нигде по

крайней мере он не приписывает ему ничего такого, что расходилось бы с ним или ему противоречило). Но главным образом я ему благодарен за находку и выбор книги, столь достойной и ценной, чтобы поднести ее в подарок моему отечеству. Мы, невежды, были бы обречены на прозябание, если бы эта книга не извлекла нас из тьмы невежества, в которой мы прозябали. Благодаря его труду мы в настоящее время решаемся и говорить, и писать по-французски; даже дамы состязаются в этом с магистрами. Амио – это наш молитвенник».

Нетрудно заметить, что Монтень, как и большинство его современников, отмечая собственно переводческий аспект – верность автору в идейно-содержательном плане, – основное внимание все-таки уделял прежде всего тому вкладу, который внесла работа Амио в развитие французского языка и литературы. Такое отношение вполне понятно, учитывая, что и во Франции эпоха Возрождения характеризуется тенденцией к постепенной замене латыни «народным» языком в качестве орудия новой культуры. Переводы с классических языков представлялись одним из наиболее важных средств, способствующих разрешению указанной задачи путем «обогащения» родного языка и придания ему большего престижа. Впрочем, чрезмерное увлечение переводческой деятельностью вызывало и критическую реакцию, о которой будет сказано ниже.

Переводческая проблематика занимала немало места и в деятельности гуманистов Германии, где ренессансные тенденции – опять-таки опиравшиеся на достижения итальянской культуры, но характеризовавшиеся значительным своеобразием – стали проявляться с 30-х годов XV в. Здесь также центральное место занимали переводы с греческого и латинского языков, причем в последнем случае воссоздавались, как это имело место и в других странах, не только античные тексты, но и сочинения немецких авторов, писавших на языке Цицерона (Н. Фришлина, Т. Нагеорга и др.). Причем подобные переводы (получившие распространение главным образом в XVI столетии) могли носить и авторский характер, т. е. принадлежать тем же писателям, которые первоначально создавали латинские версии. Так обстояло дело, например, с творениями одного из крупнейших немецких гуманистов, сыгравшего немалую роль в движении Реформации, *Ульриха фон Гуттена* (1488–1523), который в одном из своих стихотворений указывал, что перешел с латинского языка на родной с целью быть понятным широкому кругу читателей.

Важное место в указанный период занимал вопрос о языке переводных произведений. Пиетет по отношению к «торжественной латыни» приводил к почти полному калькированию синтаксических особенностей подлинника и насыщению текста перевода заимствованной лексикой. Особенно ярко указанная тенденция проявлялась в деятельности *Никласа фон Виле* (1410–1479). Считая свой родной язык лишенным «искусства и правильности», Виле настаивал на воспроизведении классического текста *wort uss wort*, т. е. слова за словом. Признавая, что подобного рода перевод, представляющий собой точный слепок оригинала, будет малопонятен «обычному простолыдину», т. е. рядовому читателю, недостаточно знакомому с латынью, Виле тем не менее утверждал: «...Всякий немецкий язык, извлеченный из хорошей, изящной и благозвучной латыни и по-настоящему переложенный, должен также называться и быть хорошим, изящным немецким языком, достойным похвалы, а не желать, конечно, быть улучшенным».

Такая позиция пользовалась большой популярностью среди значительного числа немецких гуманистов XV в., а язык переводов Виле, вышедших в свет в 1478 г., стал рассматриваться ими как своего рода образец высокого стиля, которому стремились подражать многие переводчики с латинского и греческого языков. Среди них можно назвать Иоганна Готфрида, переведившего Цицерона, Аристотеля, Лукиана, Иоганна Зидерера, воссоздавшего по-немецки произведения Апулея и Цицерона и др. Подобного рода крайностей не избежал даже один из крупнейших представителей гуманистической филологии, знаток латинского, греческого и древнееврейского языков *Иоганн Рейхлин* (1455–1522). Его переводы Демосфена и Цицерона оказались практически непонятны читателю, хотя сам Рейхлин признавал, что злоупотребление латинизмами ведет к порче немецкого языка и что стыдно говорить и проповедовать по-немецки, делая из него при этом латынь.

Однако у сторонников концепции «слова за словом» нашлось и немало противников. Последние ставили в вину «буквалистам» насилие над родным языком и навязывание ему латинских норм,

тогда как каждый язык имеет свои обычаи и особенности. Так, писатель и переводчик *Генрих Штейнхевель* (1412–1482), особенно прославившийся своей версией басен Эзопа, утверждал, что передавать оригинал надо не слово за словом, а смысл за смыслом (*nit wort uss wort sunder synn uss synn*). Язык его переводов отличался значительной свободой, простотой, стремлением воспроизвести идеи подлинника, не насилуя при этом природы родного языка. Схожими принципами руководствовался и переводчик комедии Плавта *Альбрехт фон Эйб* (1420–1475), который стремился максимально приблизить речь персонажей к обыденному немецкому языку. Он широко вводил в текст пословицы, поговорки, бытовую лексику и даже «онемечивал» оригинал, заменяя латинские имена и названия должностных лиц немецкими.

Если подобный подход был возможен по отношению к произведениям, созданным на классических языках, пиетет по отношению к которым был особенно силен, то тем более оправданными могли представляться сознательные вольности, когда объектом перевода становится текст, написанный «новым» автором на «народном» языке. Именно так уже в середине XVI в. подошел к роману Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» один из виднейших немецких сатириков рассматриваемой эпохи *Й. Фишарт* (1546–1590). В целом сохранив основное содержание подлинника, Фишарт вместе с тем существенно переработал сюжет, наполнил текст рядом вставок и дополнений и придал ему в значительной степени немецкий колорит, создав, по существу, новую версию.

Говоря о традиции ренессансного периода в Англии, где идеи гуманизма начали распространяться с конца XV в. и пользовались большой популярностью на протяжении XVI столетия, обращают внимание на то обстоятельство, что здесь, наряду с передачей латинских и греческих авторов, большую роль играли переводы с итальянского, которыми занимался уже Джеффри Чосер. Эта тенденция особенно сильно проявилась в царствование «королевы-девственницы» Елизаветы I, правившей с 1558 по 1603 г., когда английский абсолютизм достиг своего наивысшего расцвета. «Высшим достижением переводчиков елизаветинской эпохи, – писал один из исследователей, – была их способность воспламеняться творческой силой оригинала и обнаруживать в современном им английском языке такие языковые средства, которые привели бы к успеху их сознательные усилия передать часть ощущавшейся им живой силы подлинника родному языку. Никогда уважение к развитому и богатому языку (которое, помимо латыни и греческого, включало также итальянский) не было столь большим; и никогда не было столь сильным побуждение сравнить с более богатым языком более бедный и стесненный в средствах язык тогдашней Англии».

Эта переводческая деятельность в немалой степени подготовила расцвет английской литературы рассматриваемой эпохи, высшим достижением которой стало творчество Шекспира.

Таким образом, практика ренессансного перевода имела дело с тремя основными случаями:

- 1) в качестве исходного языка выступал греческий, а переводящего латинский (т. е. передача происходила с одного классического языка на другой),
- 2) исходным языком был один из «классических» – греческий или латинский, а переводящим – «народный» (т. е. живой новоевропейский язык) и
- 3) процесс перевода осуществлялся между двумя «новыми» языками.

Рассмотрим теперь, какой вклад был внесен гуманистами в разработку теоретических проблем перевода.

6. Переводческие концепции эпохи Возрождения

Разговор о переводческих концепциях ренессансных авторов принято начинать с «Трактата о правильном переводе» («*De interpretatione recta*»), вышедшем в свет в 1426 г. Его создателем был упоминавшийся выше один из крупнейших представителей итальянского гуманизма Леонардо Бруни. В качестве первого и неперемennого условия переводческой работы Бруни называл хорошее знание исходного и переводящего языков (если пользоваться современной терминологией). Вместе с тем он подчеркивал, что указанный момент, будучи абсолютно необходимым, отнюдь не

является полностью достаточным: ведь нередки случаи, когда люди, удовлетворяющие данному требованию, оказываются совершенно непригодными для выполнения обязанностей переводчика, подобно тому как далеко не все знатоки живописи способны рисовать сами. Поэтому нужно обладать глубокими познаниями в языке и литературе оригинала и не просто быть сведущими в языке и литературе перевода, но и господствовать над ними обоими. Саму же сущность задач, возникающих при передаче иноязычного текста, Бруни формулирует следующим образом: «Подобно тому, как те, которые по образцу какой-либо картины рисуют другую картину, заимствуют у своего образца и фигуру, и позу, и формы всего тела, намереваясь не самим что-то сделать, а воспроизвести то, что сделал другой, – так и в переводах наилучший переводчик передает все содержание, и дух, и намерение автора оригинала, перевоплощает в максимально возможной степени фигуры его речи, позу, стиль и очертания подлинника, стремясь воссоздать их все.

Справиться с подобной задачей в состоянии лишь человек, начитанный в произведениях философов, ораторов, поэтов и других авторов. Только ему под силу сохранить облик оригинала, передав как смысловую сторону составляющих его слов, так и присущие последним «блеск и наряд».

Развитие, а отчасти некоторое уточнение положений трактата Бруни можно найти в труде его соотечественника *Джаноццо Манетти* (1396–1459), носящем такое же название. Хотя в тексте последнего нет прямых ссылок на предшественника, однако его содержание ясно свидетельствует о том, что Манетти не только внимательно читал работу Бруни, но и включил большие отрывки из нее в свою книгу, внося лишь незначительные стилистические изменения.

Так, Манетти подчеркивает необходимость тщательного, обширного и всеохватывающего знания языка, с которого делается перевод, рекомендуя для его приобретения долгое и внимательное чтение первоклассных поэтов, ораторов, историков, философов, теологов. Вместе с тем имеется у Манетти и новый момент – различие между текстами, целиком ориентированными на эмоциональную выразительность (поэзия, ораторская проза, исторические сочинения), и трудами, чьи риторические установки подчинены необходимости высказывать истину (философские трактаты и Священное Писание). В первом случае допустимо преодолевать сухость, которая присуща оригиналу, придавая переводу красоту и элегантность в соответствии со своим желанием. Но верные переводчики философов и теологов не должны позволять себе подобных отвлечений и не имеют права слишком удаляться от цели перевода. Вместе с тем не следует безоговорочно следовать даже за самыми первоклассными авторами, но придерживаться средней и безопасной дороги. Таким образом, переводчику надлежит быть настолько скромным, чтобы у читателя не возникало подозрения, будто он уклоняется в ту или другую сторону.

В XVI столетии переводоведческие труды создаются и представителями французского Возрождения. В первую очередь здесь называют имена *Жака Пелетье дю Мане* (1517–1582) и *Этьена Паскье* (1529–1615). По мнению названных авторов, сущность оригинала определяется двумя моментами: своеобразием языка, на котором он написан, и стилем его создателя. Отмечая необходимость избегать двух опасностей: примитивно-буквального следования подлиннику и вольного пересказа, дю Мане и Паскье отстаивали максимально возможное приближение к оригиналу, уподобляя переводчика Икару, который, приближаясь к солнцу, должен, однако, не переступать невидимой границы. Указанная «высокая дословность» представляет собой идеальную цель переводчика, который, не нарушая внутренних законов перевода, несмотря на несходства языков, стремится к конечному приближению, хорошо зная, что достигнуть полного соответствия невозможно.

Наибольшим вниманием исследователей пользуется концепция одного из виднейших представителей французского Ренессанса, поэта и переводчика *Этьена Доле* (1509–1546), который включил в свою книгу «Французский оратор» (1540 г.) специальное рассуждение «Об искусстве хорошо переводить с одного языка на другой», где выдвигались следующие положения:

- 1) переводчик обязан до конца понимать то, что переводит, т. е. содержание оригинала и намерения автора;
- 2) он должен быть властелином обоих языков, т. е. в совершенстве владеть исходным и переводящим языками;
- 3) перо переводчика не должно быть связано словами и конструкциями оригинала. Иными словами, не следует передавать подлинник слово в слово, поскольку такое рабское следование автору оригинала извратит содержание последнего и разрушит красоту его образного выражения;
- 4) переводя с языка более развитого на менее развитой, переводчик постоянно должен стремиться развивать последний;
- 5) нельзя забывать о плавности и гармонии переведенного текста, ибо всякий раз надо дать возможность испытывать радость не только душе, но и слуху читателей.

Таким образом, Э. Доле, говоря современным языком, выдвигает задачу воспроизведения идейно-художественного звучания подлинника. Однако позднейшие комментаторы обратили внимание не на то обстоятельство, что под флагом защиты упомянутой выше «плавности и гармонии» перед переводчиками открывалась широкая возможность вносить изменения в переводимые тексты, никак их не оговаривая. Поэтому и у Доле, и у Амю, и у их коллег в других странах ренессансной Европы получили распространение так называемые «энспликативные переводы» с сокращениями, вставками, поправками, добавлениями. Кстати, именно указанное обстоятельство было использовано инквизицией для обвинения Этьена Доле в ереси. Обратив внимание на слова Сократа в переведенном им диалоге Платона: «Смерть бессильна над тобой, ибо ты еще не так близок к своей кончине, а когда ты скончаешься, она тоже будет бессильна, ибо ты обратишься в ничто», – инквизиция подвергла текст специальному рассмотрению и пришла к выводу, что приведенная цитата не только отсутствует у Платона, но и противоречит его взглядам, а кроме того, ставит под сомнение христианский догмат о бессмертии души. Доле был осужден и сожжен; такая же судьба постигла и его книги.

Противоречие между приведенными теоретическими постулатами Доле и его переводческой практикой привлекало внимание и позднейших исследователей. Анализируя его, французский ученый Эдмон Кари отметил, что в данном случае справедливее говорить не о непоследовательности французского гуманиста и его коллег, а об исторической изменчивости самого понятия адекватности перевода: «...Разумеется, никто не станет требовать, чтобы в наше время переводили так... но в XVI в. именно в этом заключалась наибольшая, во всяком случае, наиболее реалистическая верность... Другая верность, та, которую мы одобряем для нашего времени, тогда была бы равносильна стремлению к формальной виртуозности». К схожему выводу пришли и английские исследователи переводов елизаветинской эпохи.

7. Переводческий скептицизм в эпоху Возрождения

Несмотря на широту и размах переводческой деятельности и ее высокую оценку многими гуманистами, скептические высказывания о возможности полноценного перевода, звучавшие в предыдущий период, также нашли отражение в ренессансной традиции. В определенной степени об их распространенности можно судить по некоторым эпизодам знаменитого романа *Мигеля де Сервантеса Сааведры* (1547–1616), где речь идет об интересующей нас теме. Так, в сцене, где друзья главного героя – священник и цирюльник – учиняют цензуру книгам его библиотеки, первый из них, противопоставляя итальянский оригинал поэмы Ариосто испанскому переводу («если... обнаружится, что он говорит не на своем родном языке, а на чужом, то я не почувствую к нему никакого уважения, если же на своем, то я возложу его себе на голову»), не без иронии замечает, что переводчику можно было бы простить даже незнание итальянского, «лишь бы он не переносил Ариосто в Испанию и не делал из него кастильца: ведь через то он лишил его многих природных достоинств, как это случается со всеми, кто берется переводить поэтические произведения, ибо самому добросовестному и самому искусному переводчику никогда не

подняться на такую высоту, какой они достигают в первоначальном своем виде». А сам рыцарь Печального Образа, беседуя с неким переводчиком с итальянского языка и сожалея, что последний «не пользуется известностью в свете, ибо свет не умеет награждать изрядные дарования и почтенные труды», замечает: «Однако ж со всем тем я держусь того мнения, что перевод с одного языка на другой, если только это не перевод с греческого или же с латинского, каковы суть цари всех языков, это все равно, что фламандский ковер с изнанки: фигуры, правда, видны, но обилие нитей делает их менее явственными, и нет той гладкости, и нет тех красок, которыми мы любуемся на лицевой стороне, да и потом, чтобы переводить с языков легких, не надобно ни выдумки, ни красот слога, как не нужны они ни переписчику, ни копиисту». Впрочем, здесь же Дон Кихот делает исключение для двух переводов с итальянского (т. е. с «неклассического» в собственном смысле слова) языка, да и завершает идальго из Ламанчи свое рассуждение примирительным замечанием: «Я не хочу этим сказать, что заниматься переводами непохвально: есть занятия куда ниже этого, и, однако же, мы ими не гнушаемся, хотя и приносят они нам куда меньшую пользу».

Пожалуй, наиболее развернутая аргументация, касающаяся данной проблемы, содержится в знаменитом труде виднейшего французского поэта XVI столетия *Жоашена дю Белле* (1522–1560) «Защита и прославление французского языка». Его позиция интересна и в связи с данной им оценкой роли переводов как средства обогащения родного языка – оценкой, довольно сильно отличавшейся от приводившихся на предыдущих страницах суждений, – и ввиду предпринятой автором попытки определить границы той пользы, которую могут приносить переводы.

Прежде всего, однако, следует оговорить, что Дю Белле (как, впрочем, и герои Сервантеса) отнюдь не подвергает огульному отрицанию значение переводов как таковых. Напротив, «защищая и прославляя» родной язык, он видит одно из достоинств последнего и в том, что на нем могут быть ясно и полно изложены все науки и представлены тексты, первоначально созданные на других языках, причем не только «классических» – греческом и латинском, но и «новых» – итальянском, испанском и других.

Однако далее, в главе с характерным заглавием «О том, что переводы недостаточны, чтобы довести до совершенства французский язык», Дю Белле настоятельно предостерегает своих современников от того, что можно было бы назвать «переводческой эйфорией»: «Эта столь похвальная переводческая деятельность не кажется мне, однако, единственным и достаточным средством, чтобы поднять наш язык до уровня других более прославленных языков... верные переводчики могут во многом помочь и облегчить положение тех, кто не имеет возможности заниматься иностранными языками. Что же касается выбора слов – части, безусловно, самой трудной, без которой все остальное оказывается как бы ненужным и походит на меч, еще не вынутый из ножен, – выбор слов, говорю я, по которому только и судят о достоинствах оратора... основывается на словах простых, распространенных, не чужд общим употребительным нормам, на метафорах, аллегориях, сравнениях, уподоблениях, выразительности и многих других фигурах и украшениях, без которых все речи и стихи становятся голыми, всего лишенными и слабыми. И я никогда не поверю, что можно все это хорошо усвоить при помощи переводов, потому что невозможно передать все это с той же грацией, с какой сделал это сам автор, тем более, что каждый язык имеет нечто свойственное только ему, и, если вы попытаете передать это на другом языке, соблюдая законы перевода, которые заключаются в том, чтобы не выходить за рамки, установленные автором, ваш перевод будет принужденным, холодным и лишенным грации... вот короткие доводы, заставляющие меня думать, что старания и мастерство переводчиков в иных случаях весьма полезное и способное научить разным вещам тех, кто не знает иностранных языков, не пригодны для того, чтобы довести наш язык до совершенства и, как это делают живописцы со своими картинами, как бы положить заключительный мазок, его мы все желаем».

Развивая свою мысль, Дю Белле в следующей главе («О плохих переводчиках и о том, что не следует переводить поэтов»), с одной стороны, подвергает уничтожающей критике тех, кто являются скорее предателями, чем переводчиками, и представляют переводимого автора в искаженном свете, а с другой – предостерегает против увлечения переводами поэтических

произведений, подчеркивая невозможность сохранить те «блестки поэзии», которыми отличается стиль оригинала. Сделав характерную оговорку: «То, что я говорю, не относится к тем, кто по поручению государей и правителей переводит самых прославленных поэтов Греции и Рима, потому что неподчинение этим высоким лицам в данном вопросе не терпит никаких извинений», – Дю Белле заключает: «Тот, кто хотел бы создавать на своем народном языке произведения достаточно ценные, пусть оставит эти переводы и особенно переводы поэтов тем, кто этим трудным и невыгодным делом – я даже осмелюсь сказать, делом бесполезным и даже вредным для украшения их языка – приносит больше урона, чем славы».

Завершая разговор о развитии перевода и переводческой мысли в эпоху Возрождения, необходимо отметить, что, помимо вопросов передачи с одного языка на другой светской литературы, мимо внимания гуманистов не прошли и проблемы, связанные с переводом религиозных текстов. В первую очередь речь идет о версиях Священного Писания – и латинской (в противовес канонизированной Вульгате Иеронима), и в определенной степени «народных», т. е. созданных на живых европейских языках. Однако данную тему целесообразно рассмотреть уже в разделе, посвященном Реформации. Именно она выдвинула задачу перевода Библии на передний план, причем в подходе к ее разрешению проявилась как преемственность с собственно ренессансной традицией, так и достаточно значительные расхождения с ней.

Глава 6

Реформация и проблемы перевода

1. Сущность и предпосылки Реформации

Под Реформацией (от лат. *reformatio* – преобразование) понимается движение, направленное против католической церкви, отвергавшее власть папства, стремившееся к более демократичному устройству церковных общин. Представители Реформации отстаивали положение о непосредственной связи человека с Богом, отрицая догму об обязательном посредничестве духовенства, и утверждали, что единственным авторитетом в области религиозной истины является Священное Писание, которое вправе читать каждый человек.

Датой начала Реформации принято считать 1517 г., когда немецкий монах *Мартин Лютер* (1483–1546) выступил со своими знаменитыми тезисами, направленными против торговли так называемыми индульгенциями. Начавшись в Германии, Реформация быстро вышла за ее пределы, широко распространившись в других странах Европы. Мощный размах реформационного движения породил сопротивление католических кругов, получившее название Контрреформации. Ей удалось победить в ряде европейских государств, однако сама католическая церковь, чтобы удержать свои позиции, была вынуждена пойти на определенную модернизацию.

Выступая против папского Рима, идеологи Реформации широко использовали наследие своих предшественников – англичанина Джона Уиклифа, чеха Яна Гуса и других мыслителей, а также опыт средневековых еретических движений.

Достаточно сложен вопрос об отношении Реформации к ренессансной традиции. С одной стороны, гуманистическое движение, представители которого боролись против схоластики, критиковали невежество католического духовенства, высмеивали сословные предрассудки, сыграло важную роль в идейной подготовке Реформации. С другой стороны, цели и социальная база двух этих замечательных исторических явлений были во многом различны: гуманизм, стремившийся к созданию новой светской культуры, обращался к наиболее образованной общественной элите, тогда как Реформация, провозгласившая необходимость обновить на основе Евангелия жизнь каждого человека, апеллировала к широким народным массам. В определенном смысле можно говорить и о языковом аспекте отмеченного выше несходства: в то время как гуманистическая культура в значительной степени являлась латиноязычной, деятели Реформации обращались к народу на родном языке. Все это способствовало отчуждению многих крупных гуманистов от реформационного движения, а иногда приводило к прямо враждебному отношению

к последнему. Характеризуя с указанной точки зрения раскол, внесенный Реформацией в «республику ученых», выдающийся русский историк Е.В. Тарле писал: «До 1517 и следующих годов религиозное свободомыслие имело несравненно более теоретический, нежели практический характер; после этого кризиса оно неминуемо должно было приобрести характер боевой, нападающий. Глубоко равнодушные к религии люди апатично и безучастно отнеслись к Реформации и отступились от борьбы; таков был Эразм Роттердамский, оставшийся таким же типичным гуманистом, каким был всю жизнь; равнодушные к религиозным и религиозно-государственным вопросам деятели должны были стать либо на сторону нового движения, как это сделал Ульрих фон Гуттен, либо превратиться в верных защитников старой веры, как это случилось с Томасом Мором».

Одной из важнейших задач, которые поставили перед собой представители Реформации, стал перевод Библии на «народные» языки, означавший конец монополии католической церкви на чтение и толкование Библии (французский теоретик перевода Э. Кари даже назвал Реформацию в конечном счете битвой между переводчиками). И в разрешении ее огромную роль сыграли труды ученых-гуманистов, положившие начало научно-филологическому изучению Священного Писания.

2. Проблемы перевода Библии в ренессансной традиции

Прежде всего перед гуманистами возникла необходимость определить свое отношение к той самой Вульгате, текст которой был объявлен католической церковью ортодоксальным. И тут можно констатировать одну чрезвычайно важную тенденцию, имевшую далеко идущие последствия. Речь идет о процессе, который целесообразно назвать «десакрализацией» перевода (именно латинского перевода, а не Священного Писания как такового) и «филологизацией» отношения к нему. Иными словами, принципы филологического анализа, связанные со сличением перевода с оригиналом, стали отныне распространяться и на тексты религиозного характера. Характерна в этом плане разница между двумя рассмотренными в предыдущем разделе столь близкими по своим установкам трактатами Л. Брули и Дж. Манетти. В первом о переводе сакральных произведений вообще ничего не говорится, что может быть истолковано как проявление имевшихся у автора сомнений в применимости в данном случае сформулированного им подхода; во втором филология уже понимается как универсальное средство анализа любого текста, будь он светским или религиозным. Еще Лоренцо Валла, комментируя Ветхий и Новый Заветы, сравнивал латинскую версию последнего с греческим оригиналом. Но в наиболее полном виде принципы гуманистической филологии в данной области были применены Эразмом Роттердамским, который подготовил критическое издание греческого текста Нового Завета и предпринял его новый латинский перевод с целью восстановить первоначальный смысл, не всегда точно переданный в версии Иеронима.

О том, какое огромное значение имела проделанная им филологическая работа, наглядно свидетельствует следующий пример. Евангельский призыв к покаянию, звучавший по-гречески как «metanoete», был передан в Вульгате словосочетанием «penitentiam agite» (буквально «творите покаяние»), что можно было понять не столько как необходимость душевного очищения, сколько как указание на обязанность соблюдать налагаемую церковью епитимию. Именно такое толкование давало официальное католическое богословие. Предложенный Эразмом латинский эквивалент «resipiscite» («раскайтесь», «образумьтесь», «опомнитесь») переводил смысл высказывания из церковной сферы в личную, превращая важнейший элемент христианского вероучения – покаяние из внешнего регламентированного действия во внутреннее дело человеческой совести.

Для подготовки Реформации, представители которой считали, что спасение зависит не от строгого выполнения обрядов, а от внутреннего Божьего дара – веры, переводческая поправка Эразма сыграла чрезвычайно важную роль. Сам глава «республики ученых» категорически отрицал какую бы то ни было связь проделанной им работы с потрясшим католический мир религиозным брожением. Однако консервативные круги римской курии с самого же начала отнеслись к

исправлению текста Вульгаты резко отрицательно, не без основания полагая, что превращение священного текста в объект критико-филологического анализа может повлечь за собой весьма далеко идущие последствия. И на Эразма (как, впрочем, за тысячелетие до него – на самого Иеронима) посыпались обвинения в том, что созданная им новая латинская версия посягает на авторитет установившегося и признанного церковного текста, открывает дорогу новым переводам и создает опасность возникновения у верующих сомнений в том, какой из существующих переводов вернее. Вынужденный отвечать, Эразм, в свою очередь, поставил своих противников перед дилеммой: допускают ли они вообще какие-либо изменения в существующем латинском тексте Библии или абсолютно отрицают их возможность? В первом случае им следовало бы вначале проверить, насколько справедлива внесенная поправка. Во втором случае, закрывая глаза даже на явные ошибки, которые невозможно скрыть, они рискуют уподобиться некоему священнику из анекдота, который, привыкнув говорить за двадцать лет бессмысленное *mumpsimus* вместо правильного *sumpsimus* («мы взяли»), когда ему указали на ошибку, заявил, что не собирается менять свой старый *mumpsimus* на чей-то новый *sumpsimus*.

Единомышленником Эразма в данном вопросе оказался и его близкий друг Томас Мор, впоследствии заплативший головой за отрицательное отношение к Реформации. В «Письме знаменитого мужа Томаса Мора, в котором он опровергает яростное злословие некоего монаха, столь же невежественного, сколь и самонадеянного», английский гуманист решительно отстаивает право ученого на филологическое в самом широком смысле отношение к тексту Писания, в том числе и право на создание переводной версии. Не без сарказма напоминая об аналогичных упреках в адрес святого Иеронима, неприкосновенность текста которого ныне взялись отстаивать столь же невежественные самозванные защитники, Томас Мор язвительно вопрошает своего оппонента: «По какой причине и мог бы возникнуть раскол, из-за того, что переводчики, обозначая одно и то же, употребляют разные слова? Ты опасаясь, как бы таким образом не получилось, что у нас окажется бесчисленное множество изданий... Конечно, у меня нет сомнений, что труды Эразма приведут к тому, что в дальнейшем появится много людей, которые это же переведут заново... Но если и было бы много изданий, какой от этого вред? То, что тебя пугает, святой Августин считает весьма полезным. Даже если все переводчики и не могут быть равны, то один переведет вернее одно место, а другой – другое. Ты говоришь, что при этом читателю будет неясно, какому же из столь многих изданий можно больше верить? Это, разумеется, правильно, если читатель – настоящий дубина, у которого нет ни ума, ни рассудка. В противном случае он мог бы сообразить, что, как говорит Августин, из разных переводов гораздо легче выбрать верный. Скажи, пожалуйста, почему тебя так пугает опасность разных, отличающихся друг от друга переводов, но нисколько не удивляет чтение многочисленных толкователей, у которых нет никакого согласия ни в точности текста, ни в его смысле? Часто и их разногласия полезны, так как они дают ученым повод подумать и вынести суждение».

Если, таким образом, право на пересмотр латинского перевода Библии (равно как и филологической критики ее оригиналов) сомнений у подавляющего большинства гуманистов не вызывало, то их отношение к допустимости передачи Священного Писания на «народные» языки было более сложным. Напомним, что именно подобные попытки, с одной стороны, на протяжении многих столетий вызвали резко отрицательную реакцию со стороны католической ортодоксии (вплоть до жесточайших репрессий), а с другой – часто становились знаменем «еретических» движений еще со времен Средневековья. И здесь уже немаловажную роль играли соображения не столько филологического, сколько идейно-политического характера.

Так, например, Томас Мор весьма враждебно отнесся к переводу Библии на английский язык, принадлежавшему У. Тиндейлу, прежде всего потому, что видел в нем еретика и врага католической церкви. Однако вместе с тем он считал, что англичане должны иметь возможность читать Священное Писание на своем родном языке, т. е. не разделял полностью позиции английской католической церкви, еще в 1402 г. запретившей распространение Библии Уиклифа (независимо от своего отношения к последнему как к религиозному деятелю). Допуская, таким образом, принципиальную возможность создания новой английской версии Священного Писания,

Мор вместе с тем оговаривал, что подобное дело по силам лишь авторитетному коллективу, состоящему из компетентных ученых, искушенных в богословских тонкостях и обладающих солидными филологическими познаниями. Да и приступать к названному труду, по мысли английского гуманиста, следовало с большой осмотрительностью и постепенностью во избежание всякого рода нежелательных последствий для общественной морали.

Интересно, что и Эразм Роттердамский, для которого латынь являлась универсальным средством общения, также не разделял пресловутой средневековой теории «триязычия». Во всяком случае, не кто иной, как У. Тиндейл, обосновывая право создания английской Библии, ссылаясь на его высказывание, сделанное незадолго до начала Реформации, когда Эразм читал лекции в Кембридже: «Я бы желал, дабы все женщины могли читать Евангелие и послания Павла; и я молю Господа, чтобы они были бы переведены на языки всех людей – так, чтобы их в состоянии были бы читать и знать не только ирландцы и шотландцы, но также турки и сарацины. Я молю Господа, дабы пахарь, идя за своим плугом, пел бы текст Писания. И дабы ткач вспоминал бы его за своим челноком, отгоняя скуку. И дабы путник таким образом освобождался от усталости. Короче говоря, я желал бы, чтобы все, что сказано в Писании, было выражено тем способом, который присущ нашему каждодневному общению».

Именно такая работа и развернулась с началом Реформации в странах доселе единой католической Европы. Причем если для людей ренессансной традиции на переднем плане при переводе и толковании библейского текста был все же, условно говоря, филологический аспект, то для приверженцев новых течений главной целью стала борьба с римской курией, орудием которой призван был служить священный текст, доступный и не знающим латыни (не говоря уже о древнегреческом и древнееврейском языках!) «профанам». И наиболее выдающейся фигурой среди тогдашних переводчиков Библии суждено было стать человеку, с именем которого оказалось связанным само начало Реформации, – Мартину Лютеру.

3. Мартин Лютер и создание немецкой Библии

К тому моменту, когда вождь немецкого протестантства начал свою работу, в Германии уже существовала определенная традиция переводов Священного Писания. В период с 1461 (когда в Страсбурге вышел первый полный текст немецкой Библии) по 1520 г. было напечатано 14 верхненемецких и 4 нижненемецких переводов Библии; существовали и немецкие версии отдельных библейских книг. Однако Лютер поставил перед собой принципиально новую задачу: создать такой вариант, который был бы свободен от ошибок и искажений и одновременно понятен и доступен широким массам.

Естественно, что, приступая к своему труду, Лютер прежде всего должен был определить свое отношение к каноническому для католической церкви тексту Вульгаты, который, как мы видим, уже стал к тому времени объектом филологической критики со стороны ученых-гуманистов. Надо сказать, что отношение это было далеко не однозначным. С одной стороны, Лютеру принадлежат слова, что Иероним сделал столько, сколько не могла бы сделать никакая другая личность. А высмеивая попытки противников опорочить его труд, он уподоблял себя создателю Вульгаты, которого наставляли и поучали невежды, недостойные даже чистить его туфли. С другой стороны, не менее известны и критические замечания Лютера в адрес своего знаменитого предшественника, который, несмотря на все заслуги, так и не смог создать версии Священного Писания, которая читалась бы без трудностей и помех – так, как читается немецкая Библия самого Лютера.

Свою работу «доктор Мартин» начал с передачи Нового Завета. Этот труд был завершен необычайно быстро – в течение трех месяцев, причем большую помощь Лютеру оказал упоминавшийся выше латинский перевод Эразма Роттердамского. Подготовка же Ветхого Завета (также переводившегося с оригинала) заняла целых двенадцать лет – с 1522 по 1534 г. Причем необходимо учитывать, что Лютеру помогала целая группа многочисленных помощников: Меланхтон, бывший крупнейшим знатоком греческого языка; Аурогалус, преподававший в Виттенбергском университете древнееврейский язык; Круцигер, специализировавшийся в области

Ветхого Завета; Бухенсхаген, сведущий в тексте Вульгаты и др. Издание сопровождалось обширными комментариями и было проиллюстрировано знаменитым художником Лукасом Кранахом Старшим.

Несмотря на столь тщательную организацию работы, создатель немецкой Библии хорошо осознавал, что возможность наличия в тексте перевода отдельных неточностей отнюдь не исключена, и прилагал огромные усилия для их исправления. И здесь необходимо отметить, что непримиримый в спорах с противниками, когда речь шла о религиозных проблемах, Лютер не только прислушивался к советам и замечаниям, могущим способствовать улучшению текста, но и выступал инициатором созыва специальных «ревизионных комиссий», самая авторитетная из которых заседала в Виттенберге в 1540–1541 гг. Уже при жизни Лютера было внесено несколько сот поправок; эта работа продолжилась и впоследствии. Сам Лютер к концу жизни приступил к критическому пересмотру своего труда, завершить который ему помешала в 1546 г. смерть.

Примечания.

Язык, с которого осуществляется перевод, принято называть исходным языком (ИЯ); язык, на который переводится устное сообщение или письменный текст, – переводящим языком (ПЯ).

Демотическим письмом называется древнеегипетская скоропись, возникновение которой относят к VII в. до н. э., написанной в VII–VI вв. до н. э.

См. раздел «Мировые религии и их роль в развитии перевода».

Лаций – область на Апеннинском полуострове, центром которой был город Рим.

Примером такого перевода может служить эпизод, относящийся к 155 г. до н. э. Когда в Рим прибыло греческое посольство, один из сенаторов – Гай Ацилий выступал при приеме его членов в сенате в качестве устного переводчика.

Показательно, что, по сообщению римского историка I в. н. э. Валерия Максима, древнегреческий оратор и ритор Молон, выступая в 81 г. до н. э. перед римским сенатом, впервые мог обходиться без переводчика.

Эта элегия посвящена супруге царя эллинистического Египта Птолемея III Эвергета, принесшей в жертву богам свой локон, который якобы был вознесен на небо и превратился в созвездие.

Следует учитывать, что о большинстве принадлежащих Цицерону переводов приходится судить по косвенным источникам, так как сами тексты до нас не дошли.

Марк Туллий Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972. С. 104.

И в этом случае следует помнить, что о большинстве переводов Цицерона приходится судить по косвенным источникам.

Цит. по кн.: Kloepfer R. Die Theorie der literarischen Übersetzung. München, 1967. S. 22.

Письма Плиния Младшего. М., 1983. С. 122.

Суждения исследователей об этом переводе расходятся. Одни склонны видеть в нем почти буквальную верность, другие считают, что имела место некоторая переработка.

Цит. по: Jakobsen E. Translation. A Traditional Craft. Copenhagen, 1958. P. 97.

Цит. по: Семенец О.Е., Панасьев А.Н. История перевода. Киев, 1989. С. 64.

Следует учитывать, что само понятие художественной литературы в античном мире было гораздо более широким, чем в позднейшие эпохи, и включало такие жанры, как история, ораторское искусство, отчасти философская и научная литература и т. д.

Предположительно начало перевода буддийских текстов на китайский язык относится к I в. н. э.; достоверные сведения о передаче буддийских сутр датируются II в.

Иосиф Флавий. Иудейские древности. Т. II. Минск, 1994. С. 97. Колена – иудейские роды, основателями которых, согласно Библии, были 12 сыновей патриарха Иакова.

В качестве примера в специальной литературе часто приводят передачу древнееврейского *tob* («хорошо») греческим *kalon* («прекрасно»), вследствие чего знаменитая фраза из книги «Бытие» – «И увидел Бог, что (это) хорошо» приобрела окраску греческого представления об эстетической красоте мира.

Вообще, использование греческого языка в культовых целях вызывало в кругах ортодоксальных иудеев достаточно сложную реакцию, и уже в I в. н. э. возникла легенда, что после перевода Священного Писания тьма окутывала землю в течение трех дней.

Этот труд известен под названием «Гексапла».

По месту рождения его называли также Иеронимом Стридонским (Стридон – город в пограничной местности между Далмацией и Паннонией).

Bibla sacra juxta Vulgatam Versionem. Т. II. Stuttgart, 1975. P. 1515.

Biblia Sacra... Т. II. P. 1515.

Morley H.A. *A First Sketch of English Literature* London – Paris– Melbourn, 1894. P. 57–58.

Библейские переводы // Энциклопедический словарь, издательство Брокгауза и Ефрона. Т. 6. СПб., 1891. С. 680.

Позднее на ту же тему Латини написал первую итальянскую дидактическую поэму «Малое сокровище».

Поскольку последующие изыскания показали, что названное произведение не могло быть создано ранее V в., его автора (о личности которого высказывались различные предположения) принято называть Псевдо-Дионисием Ареопагитом.

См. с. 34–35.

Jakobsen E. *Op. cit.* P. 97.

Помимо указанной версии «Ареопагитик», оказавшей большое влияние на философскую мысль Средневековья, перу Анастасия принадлежал ряд других переводов с греческого («Мученичество Дионисия Ареопагита» Мефодия Константинопольского, «Хронография» Феофана, житие Папы Мартина), среди которых особого упоминания заслуживает история об обретении мощей святого Клементя, автором которой был знаменитый создатель славянской письменности Константин (Кирилл) из Салоник.

The Portable Medieval Reader. 1977. P. 605.

Мельникова Е.А. Меч и лира. Англосаксонское общество в истории и эпосе. М., 1987. С. 54.

Хронология переводов окончательно не установлена, и они даются в произвольном порядке.

Amos F.R. *Early Theories of Translation*. New-York, 1920. P. 3–4.

Правда, сам Эльфрик осознавал, что его метод отнюдь не является бесспорным и предвидел возражения со стороны тех критиков, которым придется не по вкусу отступление от дословности или сокращение длинного оригинала.

Языковая ситуация рассматриваемой эпохи прекрасно отражена в известном романе Вальтера Скотта «Айвенго».

Территория Уэльса была подчинена англосаксами в X в. После нормандского завоевания (к которому его обитатели отнеслись в основном положительно) Уэльс признал власть Вильгельма Завоевателя, однако впоследствии восстал против владычества английских королей, которым удалось окончательно утвердить свое господство лишь в конце XIII в.

Blake N.F. *The English language in Medieval Literature*. London and New-York, 1978. P. 15.

Данэм Б. Герои и еретики. М., 1967. С. 255.

Бах А. История немецкого языка. М., 1956. С. 104.

Данте Алигьери. Малые произведения. М., 1968. С. 123. Мы не останавливаемся сейчас на некоторых содержащихся в этом высказывании неточностях.

Цит. по кн.: Горфункель А.Х. Философия эпохи Возрождения. М., 1980. С. 33.

Тонзура – выстриженное или выбритое место, служащее отличительным знаком католических священнослужителей.

Горфункель А.Х. Указ. соч. С. 33–34.

Орфики – представители религиозно-мистического течения в Древней Греции, основателем которого по преданию был легендарный певец и музыкант Орфей.

Jakobsen E. Op. cit. P. 109. «Античный» колорит рассуждений Гверино еще более усиливается благодаря тому, что в его трактате ничего не говорится о возможности использовать с аналогичной целью «новые», т. е. живые народные языки.

Ibid. P. 116.

Монтень М. Опыты в трех книгах. Книги 1 и 2. М., 1979. С. 319.

Цит. по кн.: Копанев П.И. Вопросы теории и истории художественного перевода. Минск, 1972. С. 138.

Lindeman J. Translation in the Renaissance. A Contest and a map // Canadian Review of Comparative Literature. Special Issue, Translation in the Renaissance. Toronto, 1981. P. 210.

Цит. по кн.: Norton G.P. Humanists Foundation of Translation Theory // Canadian Review... P. 188–189.

Кари Э. О переводе и переводчиках во Франции // Мастерство перевода. 1964. М., 1965. С. 445.

Сервантес М. Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский. Ч. 1. М., 1959. С. 63.

Там же. Ч. II. С. 309.

Там же.

Дю Белле Жоашен. Защита и прославление французского языка // Эстетика Ренессанса. Т. II / Сост. В.П. Шестаков. М., 1981. С. 241–242.

Там же. С. 243.

Индульгенции – грамоты об отпущении грехов, выдаваемые католической церковью.

Тарле Е.В. Сочинения. Т. I. М., 1957. С. 255.

Осиновский Н.Н. Томас Мор. М., 1985. С. 136.

Bassnett S. – Guire Mc. Translation Studies. London and New-York, 1980. P. 48.